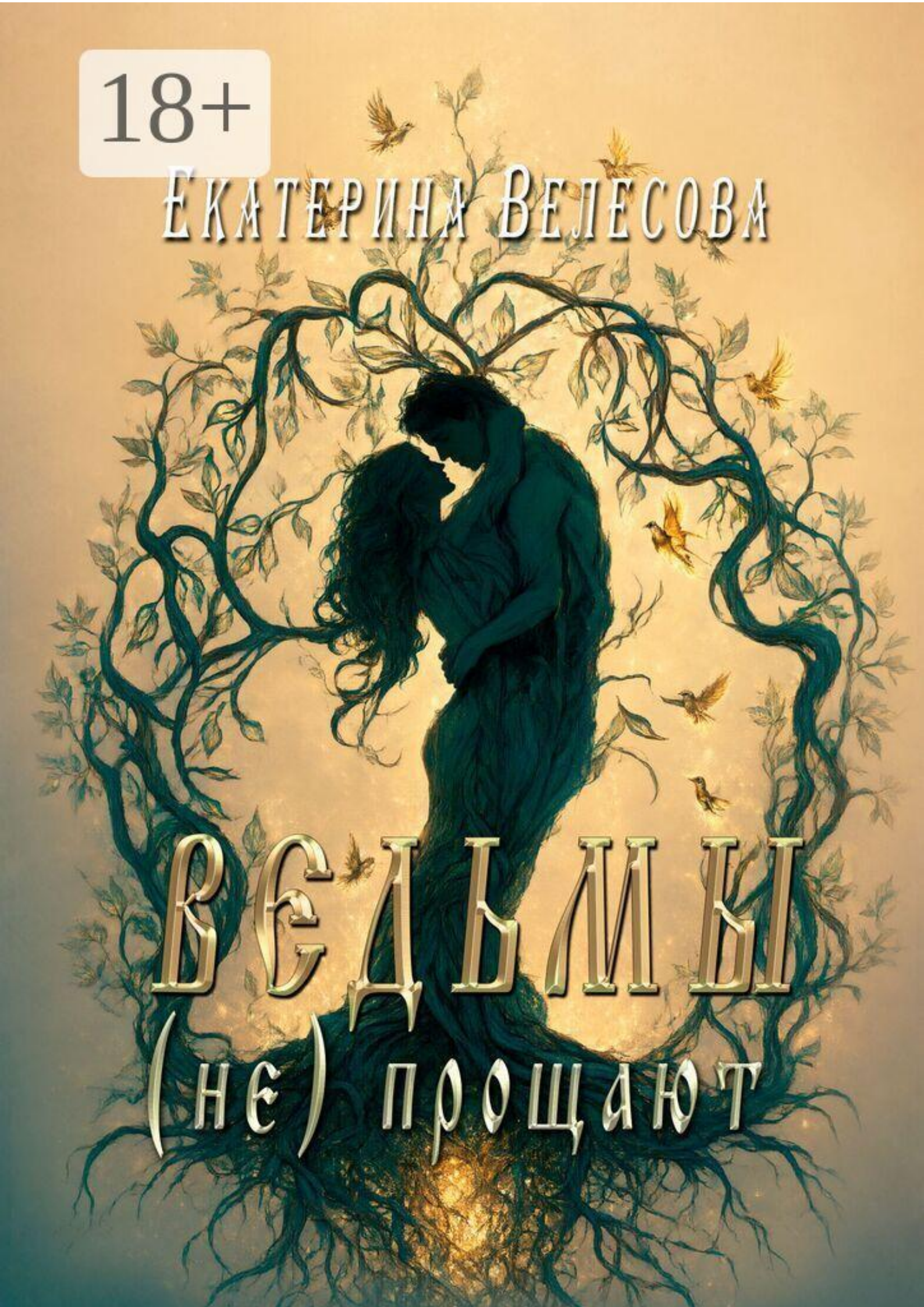
18+

Екатерина Велесова

Ведьмы (не) прощают

Екатерина Велесова

Ведьмы (не) прощают

«Издательские решения»

Велесова Е.

Ведьмы (не) прощают / Е. Велесова — «Издательские решения»,

Родиться ведьмой и нести бремя хранительницы рода живых? Наверное, есть те, кого такая жизнь устраивает, но не меня. По крайней мере, именно так я думала до тех пор, пока летала в розовых облаках, где любовь существует без магии, а любое принуждение — отвратительно. Вот только предательство рушит иллюзии, а в груди вспыхивает жажда мести. Но решив уничтожить того, кто годами вытирал об меня ноги, я неожиданно сталкиваюсь с непреодолимым препятствием в виде защитник моего врага.

© Велесова Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 24
Глава 4 33
Глава 5 40
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Ведьмы (не) прощают

Екатерина Велесова

© Екатерина Велесова, 2026

ISBN 978-5-0071-6447-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я сижу за письменным столом в своём рабочем кабинете, изнываю от жары и слушаю нытьё девицы о том, как жестоко человечество, а особенно — один из представителей оного. Смотрю на пламя свечи между нами и чувствую, как тело под платьем, плотно облегающим фигуру тёмным бордо, превращается в жидкий воск.

Начало осени прислушалось к мольбам ненавистников слякотной сырости и третий день демонстрировало лояльность, прикидываясь летом. И только девушке напротив меня не до природных аномалий — она сгорает от любви к яйценосу, который готов осчастливить содержимым своих штанов любую мимо проходящую юбку. И конечно же, плохие все, а с ней это чудо станет примерным семьянином, потому что…

— Мы же идеальная пара! Ладочка, помогите. Прошу вас!

Ну да, обращение на «вы» и мольба во взгляде — именно то, что по мнению клиентки, должно растопить сердце ведьмы, старше её, едва ли лет на пять.

И только слепящие сквозь окно лучи знают, ради чего я сейчас продала бы душу дьяволу. В голове так и плавает обжигающе холодный образ, к которому тянутся губы, чтобы коснуться ледяных капель на поверхности бутылки из холодильника супермаркета.

Но девушка не унимается и продолжает пытку наивной уверенностью в том, что магическое вмешательство — единственное решение её проблемы.

На что я вздыхаю, сетуя на духоту, поднимаюсь из-за стола и плотно закрываю жалюзи, погружая кабинет в приятную тень и обдумывая диалог с представителем сервисного центра по ремонту сплит систем. Вот кому бы не помешал приворот, чтобы не кормил завтраками, а бежал к клиентке наскипидаренной сороконожкой.

В голове всплыл образ мощного парня, фантазия мигом представила рельеф мышц без спецодежды и стало совсем нехорошо от горячей волны, прокатившей по телу. Всё-таки, продолжительное отсутствие интима при наличии законного мужа — не то испытание, что я готова перенести спокойно. Чёртов темперамент. Интересно, и в кого я такая ненасытная?

За спиной клиентки, у шкафа с документацией, заворочалась тень и серое облако приняло старушечий облик. Призрак бабки качнул осуждающе головой и заставил меня вернуться к несчастной влюблённой, душевный стриптиз которой наконец-то закончился.

А усевшись за стол, я начинаю диалог, результат которого известен и порядком осточертел:

— Катя, скажи, а та знакомая, что посоветовала обратиться ко мне, разве не сказала, что я не занимаюсь деструктивными воздействиями?

— Да, но я подумала, что у меня ведь не как у других, — хлопают в ответ ресницы над наивным взглядом. — У нас же любовь настоящая. Просто характер у него слабый. Я очень прошу. И заплачу, сколько скажете.

Я слегка качаю головой и киваю на купюры, появившиеся на столе:

— Убери и можешь идти.

— Но почему? — робко подпрыгивают тонкие брови девушки. — Какая вам разница?

— Большая. Я против любого негативного влияния.

— Я же не порчу прошу сделать, а приворот, — пытается девушка оправдать свои намерения чистыми побуждениями.

— Хорошо, — делаю я то же, что и всегда, потому что не вижу смысла объяснять отсутствие разницы между двумя воздействиями, идентично ломающими жизнь человека.

Прошу её сесть поближе к столу и пристально смотрю сквозь огонь свечи. Доверчивый взгляд моргает от волнения, но застывает, и радужки покрываются зеркальным блеском, в котором пляшет адское пламя, превращаясь в образы, подёрнутые лёгкой дымкой. Один из

этих образов — мечта Кати и мой потенциальный «кролик для опытов»: высокий перекаченный жлоб с противной ухмылкой и низким лбом, на котором шрифтом для слабовидящих прописана альтернативная одарённость и безграничная любовь к единственному человеку на этой планете — себе.

Так и хочется взять кирпич и поправить корону напыщенному павиану, но выбор не мой, а любовь к «парнокопытным» законом не запрещена, поэтому я продолжаю раскладывать картинку на составляющие.

Выделяю фигуру «кролика», примериваю воздействие, похожее на ошейник из колючей проволоки, и просматриваю перспективу. Мутное марево растворяется и будущее девушки предстаёт безысходной тоской. Лицо парня кривится от бессилия совладать с болью, призрачные иглы впиваются в кадык, и он пытается найти покой в дурманящих глотках, жадно прикладываясь к бутылке.

Но алкоголь превращает мучения в ненависть, и кулак летит в беременную Катю. Ключ в замке зажигания, яркая вспышка и визг тормозов. Теперь он не сможет убежать. А она потеряет ребёнка и до конца своих дней пронесёт вину за содеянное, оставшись верной озлобленному инвалиду и получая в ответ откровенное презрение.

Я моргаю и отшатываюсь от видения, растворившегося в пламени свечи, понимая, что не стану косвенной виновницей такой судьбы. Что может быть хуже результата, что я увидела?

Но взгляд напротив уже напуган затянувшимся молчанием, и футболка на груди девушки подпрыгивает, пытаясь удержать сердце.

И что делать с этой несчастной? Прочесть нудное нравоучение? Не поверит.

Отправить восвояси? Так не успокоится, пока не найдёт ведьму, что не заглянет в итог, а выполнит заказ корректно.

Хотя, о какой корректности можно говорить, если речь идёт о таком насилии над волей человека как приворот.

Поэтому я достаю золотистый кусок шифона, стелю на стол и раскладываю Таро, представляя распутье двух дорог. Старшие арканы ложатся указующими глыбами, от которых, паутиной из придворных и младших карт, расползается неизбежное — поверни я жизнь девушки в ту или иную сторону.

Делю расклад на две части, и левый, насквозь усыпанный мечами, пробегаю мимолётно, убедившись, что ясновидение не обмануло. А над правым долго медитирую, боясь ошибиться. Неужели так просто? Поднимаю взгляд на побледневшее лицо девушки и слегка улыбаюсь, даря надежду:

— Хорошо. Я всё сделаю. Ты принесла, что нужно?

Она робко кивает, долго не решается вытащить руку из сумки, но всё же кладёт на стол пакет:

— Вот. Это его… ну, то самое. А здесь — моё бельё… нижнее. И наши фотки. Только вы их не давайте никому. Ладно? А то, мало ли…

И в глазах её читается такой смущённый испуг, что я не могу остаться равнодушной и губы вновь трогает улыбка. Наивная девушка боится произнести вслух — сперма и трусы, заботится о распечатанных фотографиях, которыми разбрасывается в соцсетях, но при этом, хочет моими руками сломать хребет парню.

Я скидываю прозрачный пакет с биопривязками в ящик стола и заканчиваю разговор:

— Позвони через месяц. Хорошо?

— А раньше нельзя? Мало ли…

— Ну, если мало ли, то можно. Кстати, как у тебя дела с пересдачей весенней сессии? — будто ненароком задаю вопрос и слышу то, что сказали карты.

Катя пожимает плечами и вздыхает:

— Через неделю, но боюсь завалить. Нашей группе препода поменяли. Говорят, новый — молодой и ужасно вредный.

— Не переживай. Всё будет хорошо. Пересдашь без проблем.

— Да? — вспыхивает радостью лицо девушки, и она пытается вернуть на стол купюры, но видит мой молчаливый отказ, в голубых радужках появляется тревога и рука застывает в воздухе. — Почему? Вы ведь согласились.

— Давай подождём месяц. И потом уже решишь — платить или нет.

За клиенткой закрывается дверь, а я нарочито медленно собираю карты, не решаясь поднять взгляд от шифона на столе, зная, что скажет дух моей бабушки — ворчливый и вечно недовольный.

— Дурней была, ею и живёшь, только что космы отрастила, а умишко так и остался коротким, — звучит скрипучий голос у стены напротив. — Попомнишь мои слова, когда кровавыми слезами умоешься.

— А тебе так этого хочется, — ухмыляюсь в ответ, но пытаюсь примириться. — Что плохого в том, что у девчонки жизнь нормальная будет?

— Не тебе с судьбой тягаться. Раз привели, значит, исполнить должна.

— Я никому ничего не должна. Сделаю то, что считаю нужным — на собственной силе и без обращения.

— Опять? — с осуждением смотрят призрачные глаза. — Надолго хватит ли? Уж не молодка, поди. И не колодец, чтоб вёдрами черпать. Прими волю высшую да сверши по уму, пока…

Нравоучения задевают за живое и мне так хочется припомнить, по какому уму она сама прожила жизнь, в которой я осталась сиротой в десять лет, а её душа два года мечется между небом и землёй. Но именно на это и рассчитывает бабка, а я не хочу нести грязь в продолжение своей родовой ветки.

— Ты всё сказала? — киваю на свечу и с ядовитой улыбкой смотрю в лицо недовольного призрака. — До новых встреч в эфире?

Она знает, что произойдёт дальше, поэтому демонстративно отворачивается. Ну что ж, дело хозяйское.

Я тушу пальцами пламя и серое облако растворяется. Вот и чудненько. По крайней мере, теперь я вижу собственное отражение в стеклянной дверце шкафа напротив и могу насладиться им, а не старым туманом, в который, естественно, превращусь тоже.

Но это наступит не скоро, а сейчас мне больше по душе озорной и уверенный взгляд зелёных глаз, шёлковое полотно светло-каштановых локонов и красивое декольте, которое вообще надето сегодня не понятно ради чего. Да и весь образ, сложившийся из платья футляра и туфлей на шпильке, должен был соответствовать статусу, но казался нелепым и чужим.

И закончив рассуждения о том, что пора завязывать с экспериментами по искоренению из себя любви к кроссовкам и джинсам, я убираю в ящик свечу, расписанную руническими символами. Следом откидываюсь на спинку кресла и облегчённо вздыхаю, наслаждаясь тишиной, в которой слышен лишь бег секундной стрелки часов на стене и приглушённый уличный гул.

Хочется уединения, как никогда, потому что не настолько я глупа, чтобы не признавать правоту бабки. Можно сколько угодно притворяться всемогущей ведьмой, но без энергии от Рода и Сил, я — пустое место. Собственный ресурс не вечен и превратив его в бюро добрых услуг, я рискую стать тряпичной куклой, простившейся во цвете лет со здравым смыслом, а то и с жизнью.

Но стук в дверь нарушает размышления, в кабинет врывается шум голосов, и на пороге оказывается моя подружка Элинка — красивая брюнетка с испуганными серыми глазами.

— Милка! — кивает себе за спину. — Там такое! Тебе лучше самой! Анька клиента запорола!

Вот этого мне только и не хватало, именно в тот день, когда собралась смыться пораньше, чтобы встретить мужа из очередной командировки, в полной уверенности, что именно сегодня получится провести с ним вечер в романтичной обстановке.

И ведь чувствовала же, что нужно приклеить пятую точку к удобному креслу дома и оставить единственный правильный маршрут для передвижений: спальня — гостиная — кухня. В конце концов, девчонки прекрасно справлялись и без моего присутствия, а жаждущая приворота наивность могла бы и подождать пару дней.

— Чёрт бы побрал эту Катю! — выругалась я почти вслух, задела каблуком о порог и со злостью хлопнула дверью, почувствовав, как завибрировало стекло, напомнив о необходимом ремонте.

В лицо ударил яркий дневной свет, наполнявший небольшой холл второго этажа и освещавший пустующие рамки табличек на дверях кабинетов, где в перспективе должны разместиться мастера, один из которых владеет волшебной техникой массажа, а другой умеет плести такие сказки во время депиляции, что клиентки забывают о процедуре напрочь.

Вот только для этого нужно потратить ещё немного нервных клеток и кучу денег, которых у меня пока нет в достаточном количестве.

И оказавшись на ступеньках, ведущих в холл первого этажа, я впервые осознала ошибку, что совершила пару месяцев назад. Ибо арендуя единственный зал для парикмахерской, я и представить не могла, что спустя пять лет смогу выкупить всё здание, и сколько проблем принесёт его обслуживание.

С одной стороны, меня распирала гордость от свершившегося факта, потому что не каждой под силу добиться в одиночку того, что теперь имела я. Но с другой — внутри поселился страх потери и не выковыривался ни медитациями, ни руническими ставами. А притуплялся лишь тогда, когда я физически ощущала металлические перилла, касаясь их ладонью, а ногами чувствовала ступеньки, в плотном покрытии которого тонули шаги.

И скорее всего это происходило из-за того, что первый этаж выглядел более живым и достойным. Ведь зал парикмахерской пустовал редко, а предварительная запись в кабинеты маникюра и педикюра заканчивалась раньше, чем первый рабочий день месяца.

Но именно сейчас спускаться мне не очень хотелось, потому что холл первого этажа оказался переполненным этой самой жизнью в самом негативном её исполнении, а моя внутренняя сущность уже летала в романтичных облаках, прыгая по ним голышом на пару с мужем.

Вот только это был как раз тот случай, когда реальность не оставила даже малейшего шанса мечтам и заставила вспомнить о статусе хозяйки салона, на первом этаже которого разгорался скандал и громкое возмущение высокого мужского голоса отскакивало эхом от светлых стен. А ударившись о бронированное стекло входной группы, разбивалось на миллион звуков, неприятно барабанивших по ушам. Ибо рыжеватый коротышка почти перешёл на ненормативную лексику, обвиняя девочку — администратора во всех смертных грехах.

— Вы мне ещё моральную компенсацию заплатите! — завизжал недовольный клиент, отчего у Юленьки задрожали губы и подпрыгнули очки на носу, когда парень рявкнул, не сбавляя децибел. — Да я вас засужу!

И всё это я слушала молча, пока неторопливо преодолевала последние ступеньки и осматривала присутствующих, впервые в жизни благодаря провидение за пустой понедельник. Потому что конфликт, произошедший не на глазах постоянных клиентов, можно считать исчерпанным с самого его начала.

Кроме нервного «рыжика» у стойки администратора, и темноволосого молодого мужчины, сидевшего в углу холла на диване, посетителей не было, поэтому девчонки подтянули к себе мастера маникюра и замерли у арочного входа в зал парикмахерской, чтобы лицезреть скандал лично. Ведь всем известно, что без этого рабочая неделя могла превратиться в скучную рутину, а теперь появлялась тема для обсуждения между собой и с постоянными клиентами.

И чтобы девочки не разочаровались, в голову мне пришла совсем уж бредовая идея — устроить забавное представление по усмирению клиента женскими чарами. Тем более, разглядев инициатора шума, стало предельно ясно, что это под силу кому угодно. Да и присутствие мужчины, ожидавшего времени по записи, подхлестнуло показать лояльность салона к клиентам.

А юноша, тем временем, уже изрядно напугал администратора, и та попеременно хваталась, то за телефон, то за блокнот, но увидев меня, выдохнула и кивнула, чуть ли не заикаясь:

— Вот. Хозяйка салона.

И меня соизволил измерить взгляд представителя сильного пола, хотя, дальнейшие события показали — если пол у крикливого клиента сильный, то это не всегда говорит о том, что таким же окажется «потолок».

Даже невооружённый взгляд заметил бы, что рыженький пухляк очень хотел почувствовать себя бруталом, способным дать отпор, хоть кому-то в этом мире. Это же так самоутвердительно — чувствовать превосходство над девушками, не имея смелости поднять взгляд на равного себе.

— Зачем же так нервничать? — улыбнулась я настолько мило, насколько хватило женского обаяния, слегка коснувшись ладонями бордовой ткани на бёдрах, словно пытаясь разгладить несуществующие складки. — Если возникли разногласия, то мы всегда готовы их обсудить, — продолжила смотреть, не отрывая взгляда от переносицы собеседника и понимая, что он чувствует, пойманный в капкан зелёных глаз, но тут же кивнула так, чтобы водопад моих волос заискрился в солнечных лучах. — Добрый день. Я — владелица салона. У вас какие-то претензии к мастеру?

На что молодой человек попытался воспрянуть духом и продолжить грозную речь, но сглотнул слюну и смущённо споткнулся на первых же словах. А следом ткнул пухлым пальцем себе в затылок, в полной уверенности, что я вижу тот, сквозь посоловевший взгляд, обращённый ко мне.

— Вот, — выдохнули его губы, словно извиняясь за то, что сделала мастер. — А я хотел по-другому.

— Простите, — произнесла я с мольбой, томно облизнув помаду и прикусив нижнюю губу, а следом покрутила указательным пальцем, предполагая действие, которое должен совершить юноша. — А вы не могли бы показать, что там.

Вот только реакция «рыжика» на безобидный жест удивила не только меня, но и всех присутствующих.

Лишь на мгновение я отвлеклась от его радужек, как в их отражении оказалось моё декольте, в которое парень почти уткнулся носом, застыв окончательно.

Я конечно предполагала, что женская грудь имеет власть над мужчинами, и рассчитывала сгладить конфликт соблазнительным шармом, но откуда же мне было знать, что невинная впадинка меж двух холмов подействует настолько сильно, что юношеские гормоны напрочь отключат процессы мозговой деятельности своего хозяина.

В то же мгновение мои брови взлетели, а сама я слегка присела, чтобы поймать взгляд голубых глаз, всё ещё не веря в реальность происходящего, и тем более не понимая, как смогла совершить такое.

— Молодой человек, — тронула я за плечо, пытаясь перевести его внимание на своё лицо. — Вам не хорошо? Может, водички?

— А может, скорую? — прыснула смехом Элинка, но исчезла в комнате для персонала и вернулась с бутылкой минералки, кивнув на неё вопросительно и не оставив мне выбора.

Набрав в рот воды, я со всей дури окатила застывшую физиономию парня и на всякий случай отпрянула, приготовившись к неадекватной реакции. Но вместо этого, юноша вдруг очнулся и посмотрел совершенно ошалевшим от удивления взглядом.

— Что случилось? — испуганно выпалил он и добавил, осмотревшись. — Где я?

И стало ясно, что у кого-то вовсю шуршит шифер неокрепшей психики, отяжелённый осенним обострением. На что я рассудила, как человек, ни разу не бывавший на приёме у психиатра, но осиливший несколько страниц соответствующей литературы, поэтому решила не усугублять и приветливо соврала:

— Вы в парикмахерской. Пришли постричься, но почему-то покинули кресло и не дали мастеру закончить стрижку.

— Кто? Я? — ещё больше удивился «рыжик», но тут же согласился, задумавшись так, что скрежет его мозгов разнёсся по холлу. — Да, я хотел постричься. А можно?

Но ответив утвердительно, я поняла, что исправлять косяк Ани придётся самой, ибо та замотала головой и сквозанула беременной неуклюжестью в комнату для персонала, а Элинка и вовсе показала крест руками, выразив протест контакту с психом.

— Ну да, попросите вы у меня премию, — хмыкнула я недовольно вслед дезертирам.

Но поджала губы и отправилась в зал, не забыв о вежливости и даже некотором почтении, с которым пригласила «рыжика» следовать за мной, зачем-то задумавшись о наличии зеркал в дурдоме. И не припомнив такой информации, внутренне сжалась, боясь реакции странного клиента на собственное отражение в стене, сплошь покрытой зеркальными полотнами.

Вообще, в этот момент очень грела надежда на то, что юноша передумает и сбежит, оставив в покое мою нервную систему, которая с опаской проследила за его взглядом, коснувшимся острых инструментов в тележке. Но приняв неизбежное, я усадила клиента в одно из четырёх кресел и оторвала от рулона одноразовый воротничок, поймав себя на коварной мысли — придушить неадеквата прежде, чем тот попробует дёрнуться в сторону ножниц.

И сей факт настолько разбудил фантазию, что через десять минут в моём воображении полиция уносила хладный труп, завёрнутый в пеньюар для стрижки, а я чистила платье клейким роликом, удаляя с себя остатки клиента, потому что, естественно не озадачилась облачиться в фартук, перед «казнью».

Но к счастью, «рыжик» оказался вполне жив, здоров и даже благодарно улыбнулся на прощание, заверив, что станет постоянным посетителем, чему я не очень обрадовалась, а Элинка и вовсе оказалась у стойки администратора и нахмурилась, пригрозив Юльке:

— Даже не вздумай записывать этого психа ко мне. Лучше уволюсь нахрен.

— Эль, прекрати панику, — вышла я следом, приглушив подобие истерики тихим предупреждением.

А кивнув незаметно в сторону одного из диванов, где по-прежнему сидел брюнет, решила вернуть персонал в рабочий ритм, поинтересовавшись у Юленьки, чей это клиент.

— Он к Ане записан, — пролепетала растерянно та, покусывая кончик шариковой ручки.

— И? — не понимая проблемы вздёрнула брови я.

— А она ушла, — поставила перед фактом Элька и пожала плечами, спрятав руки под рабочий фартук и засунув ладони в карманы джинсов. Но не остановилась на этом, а недовольно фыркнула. — Прикинь! Пока ты припадочному косяк исправляла, Аня наша запричитала, что ей плохо, и тупо свалила.

И следом во взгляде подруги пронеслись архивные титры предупреждений, которыми она выносила мне мозг с самого первого появления тихой и скромной девушки в коллективе год назад. Но теперь её мимика демонстрировала торжество справедливости, а с губ слетела коронная фраза:

— А я говорила, что эта мышь серая, ещё себя покажет.

— Эль, хватит, — предупредила я новый виток хаоса. — Забирай клиента и иди работай.

Но в этот момент подруга кивнула и заставила меня обернуться, потому что брюнету явно надоело ждать и он направился к нам, не суля ничего хорошего темноглазой надменностью, маскируя её наигранной улыбкой на тонких губах.

И за те несколько шагов, что мужчина сделал к стойке администратора, я успела просканировать его с ног до головы: просчитала рост, совсем немного уступавший двухметровой пальме в кадке, мимо которой он прошёл; слегка удивилась огромному количеству свободного времени, которое он явно тратил на спортзал; и оценила стоимость идеально чёрных рубашки и брюк, ударивших в глаза резким контрастом на фоне кремовых стен холла.

И не нужно было обладать профессиональным взглядом, дабы понять, какой ценовой сегмент салонов предпочитает его короткая стрижка, соответствовавшая цветовой гамме гардероба.

Поэтому естественно промелькнула мысль — какого лешего этот элитный красавчик оказался на окраине города в моей парикмахерской, которую я именовала салоном, только ради того, чтобы потешить чувство собственной важности.

Вот только скупердяйская жаба мигом вылезла на первый план, заявив, что не позволит потерять клиента, внешний вид которого говорил, что он не скупится на то, чтобы выглядеть сногсшибательно.

И в этот момент я впервые обрадовалась наличию высшего образования, ибо вспомнила любимое изречение препода философии, который любил советовать перед каждой сессией: «Знаешь ответ, но не уверена — прикинься дурой и отвечай уверенно, а не знаешь — многозначительно молчи, чтобы сойти за умную».

Поэтому я заставила губы отзеркалить мужскую улыбку, изобразила на лице самую тупую наивность, которую только смогла, и захлопала ресницами, как безмозглая кукла.

— Вы на стрижку? Простите великодушно, — подключила я такое сожаление, словно Анька — зараза, не просто сбежала, а почила смертью храбрых во время схватки с рыжим психом. — Но мастер, к которому вы записаны, не сможет обслужить вас, поэтому…

Но договорить мне не дали. Мужчина кивнул, показав отсутствие интереса к треволнениям хозяйки салона, и уставился на меня чёрными, как дьявольская ночь, глазами.

— Я хочу, чтобы меня постригли вы, — озвучил он просьбу, больше похожую на приказ к немедленному исполнению, и мигом стерев с моего лица наигранные эмоции.

Нет, я конечно слышала, что в их, золотых районах, именно так и разговаривают с придворными холопами, но в наших трущобах эта манера общения не прокатила бы, даже в паршивой тошниловке. Ибо местный пролетариат имел массу аргументов против рабства.

Поэтому я не сочла нужным метнуться в зал, роняя туфли и собственное достоинство. Но осознавая занимаемую должность, сжала возмущение так, что почувствовала, как напряглись ягодицы, и растянула губы в приторной улыбке.

— Извините, но сегодня это невозможно. Поверьте, — кивнула на подругу, — Элина — профессионал и вам стоит довериться её мастерству.

На что чёрные радужки сверкнули чем-то, как мне показалось, недобрым и мужчина равнодушно согласился:

— Хорошо, тогда я приду завтра.

С моих плеч начал спадать пудовый груз и должен был свалиться на бренный мрамор холла, стоило только клиенту ответить на простой вопрос администратора — в какое время его чёртовой голове удобно прикатиться на стрижку. Но дьявольский взгляд продолжил буравить меня, а тонкие губы вдруг улыбнулись едва заметной усмешкой и озвучили:

— Время на ваш выбор.

И было бы странным, если бы я не поняла смысла, поэтому отреагировала так, как посчитала нужным, а именно — обратилась к Юленьке с просьбой: записать мужчину на любое время любого дня любого года в любом веке и в любой галактике, к любому мастеру, который значится в списке наших сотрудников, и имя которого отзовётся в душе клиента доверием.

А вернув взгляд к мужчине, натянула маску притворного сожаления и съязвила.

— Какая жалость, что меня нет в этом списке, — и добавила с искренним желанием увидеть его фигуру ЗА стеклянной дверью салона, а не внутри него. — Всего вам доброго.

Следом продефилировала к лестнице, преодолела ту и оказалась в своём кабинете — совершенно довольная и ни капли не сожалеющая об утрате клиента, хотя бы потому, что телефон выдал рингтон, установленный на звонки от мужа, и подбросил настроение в облака.

Вот только длилась эйфория не долго, а именно, до того момента, как драгоценный супруг сообщил:

— Мил, я не смогу вылететь сегодня. В последний момент заболел прибывший сменщик, поэтому остаюсь, пока не пришлют другого.

— Андрюш, — обиженно пожаловалась я, надеясь донести до него степень своего одиночества. — Мне очень плохо без тебя.

И это было правдой. Ибо с тех пор, как год назад муж перешёл из одной компании в другую, наша семейная жизнь разделилась на до и после его продолжительных командировок, потому что во время них её не было.

Хотя, что скрывать, последнее время холст наших отношений вообще не играл яркой палитрой цветов, стремительно выгорая под палящим зноем бытовухи, и изредка окроплённый интимом, больше похожим на грибной дождь в пустыне — долго ожидаемый и совершенно не приносящий удовольствия.

— А разве я могу на что-то повлиять? — продолжил Андрей, совершенно без эмоций. — Мил, ты же понимаешь, что мне нужно повышение.

— Я понимаю. Но сколько его можно ждать? — вырвался у меня огорчённый вздох. — Почти год ты пытаешься получить должность, а это, между прочим — двенадцать месяцев, из которых шесть — мы врозь.

— Не начинай. Вернусь, тогда обсудим. В конце концов, жёны моряков ждут, и ничего. Кстати, у моих родителей опять проблемы, кинь им денег.

— Хорошо.

— Извини, не могу больше говорить. Позвоню завтра. Пока.

— Пока, — ответило моё огорчённое настроение, распрощавшись с надеждой на романтический вечер и всеми приятными последствиями из него вытекающими.

Захотелось шваркнуть телефон, ставший вдруг ненавистным разрушителем счастья, но естественно рука не поднялась это сделать, потому что зла я была не на него, а на непревзойдённое упрямство Андрея.

Из пяти лет совместной жизни, три из которых мы жили в браке, последний год стал сущим испытанием для наших отношений. Но муж этого словно не замечал, карабкаясь по карьерной лестнице к закрытой намертво двери, и оставляя позади мои раздавленные плечи, потому что именно на них держалась наша семья, пока взрослый мужчина зарабатывал сущие копейки и украдкой примерял свою задницу к стулу начальника, теша самолюбие.

В дверь тихо постучали и вошла Элинка, сразу же уловив минорное настроение, заполнившее кабинет.

— Ладка, ну ты чего? — присела она напротив на стул, сложив на столе руки, как первоклассница, и сочувственно кивнула на дверь. — Из-за этих? Да забей ты на неадекватов — они были и будут. Из-за каждого расстраиваться — клеток нервных не хватит. Конечно, такого красавчика я бы не отказалась постричь, но было бы предложено.

А я откинулась на спинку кресла и с удовольствием освободила ступни, скинув туфли и почувствовав желание избавиться ещё и от платья, но перебила утешения, свернувшие не в ту сторону, огорчённо выдохнув:

— Андрею командировку продлили.

— В смысле? — недоумённо вскинулись идеальные брови над серым взглядом подруги. — Почему?

А услышав причину, Элька разразилась тирадой в сторону начальства Андрея, обвинив в сволочизме и потребительском отношении к работникам. Но увидев равнодушие в ответ, видимо, из чисто благих побуждений, решила вспомнить своё тёмное прошлое медицинской сестры и полоснула по больной мозоли психологическим скальпелем:

— Да и Андрею твоему, знаешь, давно пора хвост прищемить! Может, у него там семья уже вторая, пока ты здесь впахиваешь как лошадь и ждёшь как святая мученица.

Смысл сказанного достиг цели и пролез в потаённый уголок, где прятались сомнения, но желание видеть в муже идеал не дало им возможности выползти, захлопнув ловушку, поэтому я даже бровью не повела, спокойно возразив:

— Я верю Андрею и не собираюсь это обсуждать.

— Ну и дура! — парировала Элинка. — Я бы, на твоём месте, его наизнанку вывернула, — взгляд серых глаз прищурился лукаво и тонкие губы, покрытые нюдовой помадой, зашептали заговорщицки. — Ладка, неужели, даже на картах ни разу?

Под прессом искреннего любопытства врать не хотелось, поэтому мне пришлось признаться:

— Смотрела. Но в самом начале отношений, и мне хватило того ужаса, с которым открывала расклад, успев надумать, фиг знает что. Больше не хочу и точка. Мне нужны здоровые отношения — без какой-либо магии.

И в этом я была честна перед подругой так же, как и перед собой. Ибо хватило опыта предков, превративших в гнилушку родовое дерево.

Из поколения в поколение женская часть моих прародительниц устраивала собственное счастье, размахивая приворотами направо и налево, как единственным средством удержания мужчин возле себя. Вот только те загибались настолько быстро, сломленные магическими воздействиями, что женский род просто кишел вдовами, проклинавшими уродливую судьбу.

Собственно, такая же участь постигла и моих родителей, когда их брак затрещал по швам. К тому времени бабка моя осталась на задворках личной жизни своей дочери, которая всеми возможными путями отстранялась от общения с матерью, боясь вмешательства. Но разве могла старая ведьма оставить без внимания страдания дочери, муж которой ушёл к другой? Конечно, бабка «засучила рукава» и вернула блудного мужа в семью — из самых лучших побуждений. А с возвращением отца, я, будучи семилетним ребёнком, узнала, в какого монстра может превратиться человек, пытающийся залить алкоголем душевную боль.

Через два года скандалов и драк не выдержала мать, шагнув в окно, а следом повесился отец, оставив предсмертное письмо, в котором клял мою бабку и весь её ведьмовской род, испоганивший ему жизнь…

Элька тронула меня за руку, заставив вздрогнуть, и выдернула из размышлений.

— Мил, не обижайся, — умоляюще проныла она и смешно наморщила нос, тронув тёмные локоны. — Сделай скидку на интеллект блондинки.

И это была та самая коронная отмазка, перед которой я никогда не могла устоять, потому что Элька и правда имела светлый цвет волос от природы, но упорно закрашивала его почти чёрным оттенком шоколадного, желая казаться умнее. Ибо внутри неё сидел комплекс неоконченного высшего и пилил с той же интенсивностью, с которой она смешивала различные оттенки краски для волос, владея колористикой, практически в совершенстве, за что и оставалась любимицей постоянных клиенток.

— Эль, ты же знаешь, меня трудно обидеть вообще, а уж тебе и подавно, — примирительно улыбнулась я и предложила идею, чтобы сгладить шероховатости сегодняшнего дня. — Может, забуримся в наш бар?

— Уже бронирую места, — поддержала она.

И по серым радужкам стало ясно, что вечер обещает стать тем самым приятным полировщиком, что доведёт наше состояние до безукоризненного идеала.

Глава 2

Закрытое для посторонних заведение являлось местом, где мы с Элинкой чувствовали себя, как золотые рыбки, плавающие в ламповой атмосфере уютных локаций, и чувствующие себя в совершенной безопасности.

К слову, золотыми мы были, имея на руках именные карты для входа соответствующего цвета; приятная расслабляющая музыка накладывала отпечаток на походку, которая приобретала лёгкость, а чувство безопасности навевали знакомые лица постоянных посетителей, отбор которых строился по жёсткому принципу. Хозяин заведения не терпел любого проявления агрессии или недоброжелательности и аннулировал пропуск любого посетителя, не согласного с этой позицией.

Поэтому, усевшись на мягкий диванчик в самой дальней части локации в ожидании официанта, я слегка удивилась, когда получила неслабый тычок в бок от подруги, зашептавшей в ухо:

— За барной стойкой. Офигеть.

Но я не нашла ничего необычного в знакомом бармене, разливавшем настойки по шотам. И как всегда засмотрелась на его работу. Симпатичный парень с неизменной улыбкой умел привлечь внимание к своим рукам. Они порхали, словно бабочки, над глянцевой поверхностью изумрудного мрамора, по которому высокие рюмки скользили, как по льду, оказываясь в руках официанта. А яркое освещение за барной стойкой отражалось в зеркалах и стекле, разбивалось о них и путалось в красной шевелюре бармена, превращая в подобие факела, который двигался в такт лёгкой музыке, наполнявшей эту локацию заведения.

А в следующую секунду мой взгляд коснулся массивного бокала, который удерживали мужские пальцы, и сердце пропустило удар, почувствовав приближение чего-то неприятного. Ибо продолжением руки оказался никто иной, как тот самый брюнет с дьявольскими глазами, по-прежнему одетый во всё чёрное.

Благо, сидел он у дальнего края барной стойки и в пол оборота, отвлечённый экраном телефона, поэтому мы с Элинкой оставались вне поля его зрения. Но этот факт не успокоил, и я быстренько набрала сообщение, отправив сигнал бедствия владельцу заведения.

И через пять минут тот уже развалился на диванчике напротив, пытаясь донести до моего воспалённого воображения истинную причину неожиданной встречи с «дьяволом».

Вечно улыбающийся Никита имел природный дар убеждения, но зная меня слишком долго и достаточно хорошо, не пытался играть словами.

— Милка, не парься, — радушно успокоил он, привычно крутя телефон между пальцами. — Нормальный чел. Бывает редко, но полный адекват. Иногда с друзьями из следственного отвисает, но сам, вроде как, не следак. Так что — непредвиденное стечение обстоятельств.

В совпадения я, конечно, верила, но предпочитала не попадаться в их сети, поэтому намекнула Никите о смене бара на отдельную комнату, на что тот хмыкнул, полистал в телефоне и констатировал с сожалением.

— Неа, полный солд аут. Весь вип до утра забит, — поднял на меня ироничный взгляд и прыснул от смеха, кивнув на свой диван. — Я тебе больше скажу, у этого чела бронь на двоих вот на эти места. И у второго карта не именная.

— Офигеть! — выдохнула Элька. — Надеюсь, друг у него такой же красавчик.

— А я надеюсь, — возразило моё запаниковавшее чувство собственного сохранения, — что он ждёт подругу, которая окажется настолько ревнивой, что не захочет здесь сидеть.

— Эу, Милка, — возмутился шутливо Никита, — вообще-то, это мой бизнес. Или ты хочешь меня без бабла оставить? — но увидев моё недовольство, подмигнул в сторону шикар-

ного выбора напитков в баре, прищурился и показал на пальцах размер компенсации. — За счёт заведения. Да? Парочку шотов сливочной карамели.

В сторону алкоголя я дышала ровно, но перед эксклюзивными сливочными настойками, которые готовили здесь, сдохло даже моё чутьё недоведьмы, намекавшее на стремительный побег из бара. А Никита, как никто другой, знал вкусовые предпочтения своих друзей, поэтому выскользнул из-за стола, словно хитрый лис.

И через пару минут мой организм скукожился в предчувствии слишком активного расслабления, а сама я недоумённо наморщила лоб, увидев на столе небольшой серебряный поднос, плотно заставленный шотами.

— Парочку? — оторвался мой ошарашенный взгляд от разнообразного безобразия и поднялся на Никиту. — Издеваешься? У нас в желудках — один запах химикатов.

На что тот хмыкнул.

— Хорошо, скажу, чтобы канапешки принесли, — а следом многозначительно улыбнулся и пожелал. — Приятного вечера!

Эльку тоже впечатлил размер набора для снятия стресса, и она выдала очень здравую мысль, не сводя серых глаз со стола и думая на перспективу:

— Ты бы лучше нам приятного утра пообещал.

— Это уж как получится! — многозначительно подмигнул Никита и отправился в другую локацию, оставив нас перед выбором — отказаться от эксперимента или дать силе воли возможность доказать свою исключительную мощь.

И выбрав второе, мы с Элькой приступили к дегустации, коварство которой заключалось в том, что безобидные напитки не играли крепостью во рту, обволакивая приятной сладостью и удивительно гармоничным вкусом, но опустившись в желудок, быстро добирались до мозга, погружая тот в приятный релакс.

А стоило лишь слегка недооценить возможности каждого из шотов, как невесомое умиротворение могло превратиться в неконтролируемое опьянение, чреватое не очень приятными последствиями.

Но до такого состояния мы с Элинкой не напивались ни разу, если не считать выпускного в школе, и не предполагали этого делать сейчас — в преддверии очередного рабочего дня.

Вот только, махнув почти залпом по первому шоту, мы избавились от всяческих сомнений, продолжив наслаждаться пустующим диваном напротив и приятной музыкой, в звуках которой тонул негромкий ропот разговоров вокруг.

А заметив отсутствие неприятной личности за барной стойкой, и вовсе решили, что на нашей стороне само провидение, за которое опять подняли тост, но сделав лишь по глоточку. Хотя, встречаясь взглядами со знакомыми, которые приветственно поднимали в нашу сторону не обделённые градусами коктейли, мы тоже отвечали взаимностью.

— Нет, ну если рассуждать логически, — задумчиво заявила подруга, слегка захмелев и разглядывая очередную шпажку с нанизанными ягодами. — Компания нам бы не помешала, — но посмотрев на меня, уточнила. — Я имею ввиду приятную компанию, а не это…

Но в следующий момент Элька запнулась и поспешила сунуть канапешку в рот, а я обернулась на прозвучавший рядом знакомый голос — приятный для слуха, но противный для моей нервной системы, уже как полдня.

— Девушки, вы не будете против, если мы воспользуемся своими местами и составим вам компанию?

И в этот момент я позавидовала жующей подруге, потому что мне пришлось сделать сложный выбор — вежливо промолчать или послать непрошенных гостей ко всем чертям. Но промолчать не позволили выпитые шоты, благодаря которым я уже стояла на пути к бессмертию.

Поэтому я решила не скупиться на эмоции и объединила две в одном ответе, выразив всё негодование, на которое была способна — взглядом, и притворную любезность — словами:

— Конечно, мы не против.

На что Элька едва не поперхнулась, увидев моё выражение лица, не соответствующее тому голоса, но тоже кивнула, сунув очередную шпажку в рот. А мне надоело отдуваться за двоих, поэтому я последовала её примеру.

И когда мужчины расположились напротив, перед ними предстали два бурундука с набитыми щеками. Но мне было ровным счётом плевать на комичность, до тех пор, пока я не перевела взгляд на подругу, которая, к тому же, ещё и беспардонно вытаращилась на друга «дьявола», севшего напротив меня.

Красивый блондин удивлённо приподнял брови и слегка улыбнулся, в то время, как в его карих радужках уже танцевали смешинки. И пытаясь не дать им волю, спросил Эльку, кивнув на очередную канапешку, которую та поднесла ко рту:

— Вкусно?

— Фто? — переспросила она, пытаясь не растерять содержимое щёк.

После чего я прочувствовала на себе причину, по которой в давние времена не приветствовались бурные обсуждения за столом. Ибо моё веселье, уснувшее крепким сном глубоко внутри, вдруг решило заявить о себе фонтанирующим смехом. Но споткнулось о нежно любимые оливки во рту, и заставило не только опустить голову, но и зажать ладонью губы.

И лишь появление официанта по душу наших соседей по столику сбавило градус комичности, дав любительнице десертных канапешек возможность прожевать, а мне — ретироваться в туалетную комнату, чтобы понять масштабы катастрофы, случившейся с макияжем во время сдавленного смеха, вылившегося слезами.

Но следом впорхнула Элинка и поставила перед фактом, едва прикрыв дверь санузла:

— Так, Милка, я встретила любовь всей жизни, поэтому не вздумай слинять домой, — серый взгляд шутливо прищурился в зеркальной стене и посмотрел на меня умоляюще. — Ты ведь меня не бросишь?

— Что-то мне подсказывает, что это сделаешь ты, — промакнула я лицо матирующей салфеткой, — как только блондин поманит пальчиком.

— Нет, ты чего! — ответственно возразила Элька, достав из сумки блеск для губ. — Сегодня я кремень. Завтра на депиляцию сгоняю, вот тогда пожалуйста.

И столь убедительному аргументу я не смогла не поверить, мысленно пожалев о том, что мой марафет так и остался невостребованным. И именно поэтому из зеркала на меня смотрела бесформенная куча в широких джинсах и уютном, но донельзя огромном свитшоте.

Собственно, Элька выглядела немногим лучше — в вязаном длинном платье, которое намертво скрывало все достопримечательности её шикарной фигуры.

— Да уж, — выдохнула я, обняв подругу, и прыснула от смеха. — В таком виде, мы обе — кремень.

— Да ладно тебе. Главное, что мордахи симпатичные, — возразила она. — А для этого места прикид в тему. Соседи наши тоже не в смокингах. Так что мы в тренде. Идём лучше накатим и свалим танцевать.

— Душа требует зажечь? — скорее не спросила, а озвучила я собственное желание.

— По полной! — последовал бодрый ответ. — Оторваться так, чтобы завтра с утра на крыльях летать!

— Тогда чего мы ждём? — удивилось моё лицо в зеркале, сверкнув куражом в зелёных радужках.

В конце концов, мы и правда нуждались в отрешении от проблем и заряде позитива, чтобы с новыми силами ругаться с сантехником, чинить собственноручно розетки и мыть полы

после закрытия салона. А с утра вновь представать перед клиентами — истинными леди и мастерами, готовыми исполнить любой каприз.

Но у меня был и личный повод поставить зарубку в окончании дня. И он касался уже не Андрея, а той самой наивной Кати, на которую я сегодня успела потратить значимую часть энергии, поставив остуду в отношении «парнокопытного». За несколько дней воздействие раскрутится, и к тому времени, как девчонка заметит очарованный взгляд молодого преподавателя, сердце её уже готово будет принять его любовь.

Поэтому, вернувшись на диван в самом прекрасном настроении, мы с Элинкой принялись «накатывать» и весело общаться между собой, не обращая внимания на мужскую половину столика, как и они на нас. А опустошив половину подноса, рванули в соседний зал, прихватив лишь пластиковые карты, потому что попасть на танцпол можно было только при помощи электронного ключа.

И уже через несколько треков я растеряла в грохоте музыки всё самое занудное, нервное и неприятное, чем была переполнена последнее время. Тело двигалось так, как ему хотелось, растворяя спазмы и приобретая лёгкость, а душа ликовала в такт року, заполнившему танцпол.

Элька тоже поймала волну и лишь успевала откидывать с лица тёмные локоны, сверкая россыпью разноцветных звёзд лазерного освещения, мелькавшего в её серых радужках.

Но дерзкий ритм сменился спокойным, и мы выдохнули, понимая, что пауза наступила вовремя и пора вернуться за столик.

Вот только успев обернуться, я неожиданно попала в объятия мужских рук, которые не дали опомниться и решительно увлекли в медленный танец. Портить настроение не хотелось, а посмотрев на Эльку, уже танцующую с блондином, я и вовсе смирилась, решив, что ради подруги могу потерпеть несколько неприятных минут в компании с брюнетом. Поэтому сжала губы и продолжила наблюдать за парами вокруг, вынужденная прижиматься к мужскому торсу, особенно плотно в те моменты, когда рядом кто-то проходил.

Вот только прикосновения к чёрному силуэту начали быстро раздражать, потому что расслабленный музыкой и алкоголем организм реагировал в разрез с теми мыслями, что бороздили просторы мозга. Воспоминания окунали в то время, когда мы так же релаксировали с Андреем, испытывая желание побыстрее остаться наедине, а глупое тело зажигало огоньки, чувствуя чужие ладони на спине.

Но окончательно меня выбесил прозвучавший у виска голос — низкий, но неожиданно нежный, от которого подкосились ноги.

— Может, пора познакомиться? — спросил мужчина и представился. — Марк.

А я не поняла, какого чёрта подняла взгляд, но язвительность застыла на губах, а сама я растворилась в невероятной тьме дьявольских глаз. По телу пробежали мурашки и меня знатно встряхнуло, что повергло в ужас от озарившей догадки. Он попытался пробить мою защиту — не личную, как делают обладатели гипноза; и даже не родовую, как глупый экспериментатор, а ставленую мной. И лёгкое недоумение на мужских губах от полученного обратного удара, стало подтверждением моим ощущениям.

Я предупредительно качнула головой и отвернулась, попытавшись взглядом найти Элинку, но Марк вдруг прижал сильнее и прошептал в висок:

— Прости. Больше не буду. Обещаю.

После чего я возненавидела этот голос ещё сильнее, потому что он превратил мысли, разложенные по правильным полочкам, в полный хаос.

Всеми фибрами души я рвалась убежать и спрятаться, чувствуя, как каждая клеточка тела начинает предавать, и при этом пыталась оправдаться неловкостью момента и невозможностью оставить подругу одну. А медленные треки, как назло, не прекращались, как и едва заметные касания мужских пальцев — совершенно невинные, но именно этим и волнующие ещё больше.

Но почувствовав щекой лёгкую небритость мужских скул, я испугалась до ужаса, осознав, что набат моего сердца слышу не только я. Поэтому не придумала ничего лучше, чем собраться в монолит, пробурчать о пропавшем желании танцевать, вырваться из мужских рук и метнуться в локацию бара, чтобы отсидеться в туалете и успокоиться.

Я убеждала себя в том, что физическое влечение сродни голоду, но не стоит опускаться до уровня придорожной забегаловки, чтобы мучиться потом от несварения. И любая диета чревата срывами, но я слишком верна своим принципам, чтобы допустить слабость. Да, наши отношения с Андреем не отличаются идеальность, но никто не обещал беспроблемный брак. И всё ещё можно исправить. В конце концов, муж вернётся, и мы сделаем попытку возродить то, что угасло. А если не сможем сами, то для этого есть сексологи, психологи, врачи и таблетки.

Но посмотрев на собственное отражение в огромном зеркале санузла, я вдруг ясно осознала, что не существует той волшебной таблетки, которая раздует заново огонь в моём сердце, где давно поселилась привычка. И уж себе то я могла признаться, что отказываюсь смотреть на ментальную нить отношений с мужем, боясь увидеть то, что и так знаю. Ведь любое доказательство обязывает предпринимать действия, а я не хочу менять то, к чему приросла, и что стало привычным.

— Плохенькое болотце, но родное, — криво усмехнулось моё отражение в зеркале.

— А кто говорил, что новые отношения могут начаться лишь там, где закончены прежние? — возразила я, призвав к совести. — Ты хочешь предать? Сделать больно тому, кто стал твоей частичкой?

— Тогда зачем ты пользуешься скрабом для тела? — не унималось зеркало.

— Неужели не понятно? Это совсем другое.

А в следующий момент в туалетной кабинке раздался звук сливающейся воды и заставил меня заткнуться, поспешив ретироваться, чтобы не выглядеть идиоткой.

И первым желанием было — забрать сумку и свалить домой. Но вспомнив одиночество, ожидающее в пустой квартире, я решила перепробовать весь ассортимент сливочных настоек, чтобы поплывший мозг перестал надоедать, хотя бы до утра.

Вернувшись к столику, я ничуть не удивилась произошедшей рокировке, а плюхнулась на своё место, встретившись с весёлым взглядом Элинки, сидевшей теперь напротив. Подруга явно продолжала впечатляться танцполом, тихонько мурлыкая композицию, заполнившую бар, а судя по опустевшим шотам, успела ещё и догнаться, не дождавшись меня.

— Так, Милка! — категорично заявила она, напустив на себя важный вид, прикрытый паутиной алкоголя. — Разреши представить мужчин за нашим столиком. Значит так! Смотри, — кивнула она на сидевшего рядом с ней блондина. — Это Серёжа, и он — телохранитель, — сказанное так рассмешило, что Элинка прыснула смехом и продолжила. — Представляешь, он охраняет тела!

На что Сергей приобнял сероглазую брюнетку и многозначительно прокомментировал, поймав её посоловевший взгляд:

— И особенно — такие красивые.

— Эу, товарищ! — возмутилась Элька и убрала его руку с талии. — Это тело, знаешь ли, сегодня само себя охраняет. Тем более, что собирается тусить до утра. Так что, знаешь, что? — кивнула она в сторону бара. — Закажи-ка ещё выпивки.

— Без проблем! — живо откликнулся блондин, а выйдя из-за стола, обратился ко мне и сидящему рядом Марку. — А вам?

Но я даже не успела возразить, как сосед по дивану озвучил:

— Все сливочные шоты, а мне — как обычно.

Сергей отправился к барной стойке, а я проглотила вскипевшее возмущение, но лишь потому, что схватила в одну руку сумки, а в другую — подругу. И несмотря на робкое сопро-

тивление Эльки, потащила её в туалет, затеяв спасательную операцию и понимая, что попытка увезти домой закончится провалом, но и оставлять её в таком состоянии нельзя.

Поэтому по пути просемафорила Никите, от которого прибежал официант с полторашкой воды, и заставила недоалкоголичку выдуть почти залпом. А впихнув Эльку в кабинку, закрыла дверь и застыла рядом, слушая рычание и мило улыбаясь девушкам, решившим посетить место уединения именно в этот момент.

А пока Элинка пыталась вернуться в нормальное состояние, умываясь над раковиной, воспользовалась моментом и прижала рабочую ладонь к её затылку. Почувствовала, как под тёмными волосами клубится туман и принялась закручивать его в спираль.

И по мере того, как разгоняла собственную энергетику, чтобы огненным вихрем очистить сознание Эльки, её голос приобретал трезвость.

— Чёрт! — наконец-то выдала она. — Какого фига я так быстро накидалась?

Я отошла, слегка потеряв равновесие от головокружительного полумрака, в котором утонуло яркое освещение, и прижалась к прохладному кафелю оголённой спиной, задрав свитшот. Мысленно пожалела, что на улице осень, а не зима, когда спасительный холод можно найти, просто выйдя на улицу. А чтобы поддержать разговор, хмыкнула иронично:

— Наверное, чтобы у телохранителя работы было поменьше.

— Вот гадёныш! — психанула Элька, нервно выдрав из сумки салфетки и разглядывая лицо панды в зеркале. Но задумалась и направилась ко мне, умоляя о помиловании. — Милка, прости. Опять ты меня спасла.

Но я шутливо вытянула руки, предупредив:

— Не надо об меня свои сопли вытирать!

— Ой, какие мы нежные, — наморщилась она и вернулась к раковине. — Не, ну прикинь. Я же и так с ним готова была переспать, хоть завтра. Нафига спаивать?

— А может он маньяк или импотент? — не удержалась я от «комплимента» блондину, чувствуя, что холод не помогает и нужна сумка, но почему-то продолжила болтать, созерцая размытый силуэт подруги в сгустившейся темноте. — Пока ты пьяная, ему и пять секунд в кайф, а с трезвой придётся постараться.

— Думаешь? — удивлённо переспросила Элька и вздохнула, увидев частичное отсутствие макияжа на своём лице. — Ну и хрен с ним. Вот пусть теперь посмотрит, кого хотел трахнуть по-пьяному.

— А если не передумает? — предположила я уже в полной темноте, сползая по стене и ощущая физически, что земля круглая, да ещё и крутится.

— Тогда посмотрим. Но однозначно не сегодня. Ладка, эу, ты чего? — заметила она моё состояние, подскочила и присела на корточки, пошлёпав по щекам. — Ладочка, миленькая, это всё из-за меня. Блин, ты же выпила, тебе нельзя вот это. А я…

— Всё нормально, — прошептала я, чувствуя, как лечу в чёрную дыру, но нисколько не запаниковала, зная, как восстановиться. — Дай сумку.

Речной камень с руническими символами служил аккумулятором и выручал всегда, стоило только активировать огнём. И этот раз не стал исключением. Не в силах сосредоточиться на визуализации предстоящего процесса, выловила из помутневшего сознания оговор и мысленно прошептала его, удерживая под камнем зажигалку, пламя которой даже не видела.

А следом прижала спасение к солнечному сплетению, настроилась на его волну, опустив веки, и вдохнула настолько медленно и глубоко, что стало больно раздавшимся рёбрам. Огненное сияние рвануло внутрь и слилось с моим, слегка померкшим, а я затаила дыхание, чувствуя, как энергия огненных рун заполняет каждую клеточку тела.

За опущенными веками женский голос говорил с Элькой и предполагал отравление алкоголем, сменялся другим и советовал вызвать скорую. Но подруга стояла как кремень, вежливо

отказываясь от помощи одних, и указывая конкретный адрес для эротического путешествия — особенно назойливым.

Вот только мне было совершенно фиолетово, поэтому, когда шумно выдохнула и открыла глаза, понимая, что земля вновь стала плоской, а жизнь прекрасной, моя благодарность Эльке граничила с бесконечностью. Да, такой экстремальный вид подпитки был чреват не столько для энергетики, сколько для физической оболочки, но иногда оставался единственным выходом.

— Милка, — протянула Элька руку, помогая мне подняться, — никогда не пойму, как ты это делаешь. Но так эпично выглядит, аж мурашки по коже. Чего ты лыбишься? Смотри! — она задрала рукав платья и продемонстрировала кожу, ставшую похожую на огурец с пупырками. — Реально круто!

А я справилась с приятным головокружением, сунула камень в сумку, открыла кран, брызнула на лицо водой и вдруг поняла, чего хочу настолько сильно, что не намерена себе отказывать.

— Эля, — поймала в зеркале серый взгляд, — а давай по японской кухне ударим?

— Роллы с огурцом? — фыркнула она, зная мои предпочтения после любой работы с энергией. — Да не вопрос. Почти час прошёл, так что «эти» уже точно слиняли в поисках свежей «дичи». Закажем доставку, налопаемся, и по домам.

Закрытое заведение имело много плюсов, но главный и единственный минус оставался в том, что являться сюда на пустой желудок было категорически нельзя. Ибо тусовка предполагала много локаций, где разливались приятные напитки, благодаря которым хотелось: зажечь на танцполе, посидеть с кальяном и даже поиграть в настолки и погонять шары на бильярдном столе в замечательной компании. Но все развлечения происходили при полном отсутствии еды, встретиться с которой нам с Элинкой сегодня так и не удалось. Хотя, запрета на доставку из ресторанов никто не ставил, чем мы и решили воспользоваться.

И когда мы вернулись бар продолжал жить полной жизнью и обнял нас той же монотонностью голосов, прекрасной музыкой и уютным полумраком, в котором барная стойка светилась, как сказочный домик среди тёмной чащи леса.

Вот только надежды наши не оправдались, потому что «эти» продолжали сидеть за столиком и даже обрадовались нашему возвращению, по крайней мере, Сергей, который удивлённо посмотрел на протрезвевшую Эльку и безапелляционно заявил, что всегда считал «штукатурку» вселенским злом.

— Серьёзно? — недоверчиво покосилась она на парня, всё ещё пытаясь держаться подальше. — Прикалываешься?

Но у того и в мыслях не было шутить, о чём говорили честные искорки в карих радужках. Поэтому Элька не стала возражать, когда рука блондина оказалась на её талии. Да и вообще на противоположной стороне воцарилась идиллия, чего нельзя было сказать про моё соседство с Марком, от вида которого я вновь вспомнила препода философии и решила воплотить в жизнь вторую часть его совета.

Но, к сожалению, прикинувшись глухонемым деревом, я не ослепла и видела боковым взглядом, как Марк рассматривает мой профиль, потягивая что-то со льдом из массивного стакана, и почти физически ощущала прикосновение чёрного взгляда к моему лицу. Но вспоминая реакцию тела на «дьявольский омут», я предпочитала и дальше соблюдать молчаливый нейтралитет, уткнувшись в экран телефона, пока подруга ворковала с блондином.

А та вдруг ожила настолько, что мне захотелось самолично наполнить содержимое её желудка всеми запасами алкоголя, что стояли на полках бара. Потому что Элька вспомнила нашу идею и воскликнула, посмотрев на Марка с вызовом:

— Вообще-то, Ладка очень хочет роллы!

На что я попыталась возразить, погасив экран гаджета и наградив болтливую не в меру подругу недовольным взглядом, но вмешался Сергей.

— Да без проблем, — первым откликнулся он.

Вот только Марк тут же перебил его:

— Я сам закажу, — взял со стола смартфон и принялся листать приложение, но отвлёкся и обратился ко мне. — Есть какие-то предпочтения?

И опять влезла Элька, которой я уже готова была запечатать рот, но лишь метнула злые молнии.

— Милка с угрём и огурцом обож…

Заткнулась она на полуслове, впечатлённая моим говорящим взглядом, который не предвещал ничего хорошего. Но вместо того, чтобы просто усмирить язык, подруга вдруг решила спрятаться от моего гнева на танцполе. И скорый на подъём Сергей с радостью принялся воплощать её желание в жизнь, оставив своего друга наедине со мной.

— Курьер будет через сорок минут, — подвёл Марк итог поискам роллов, отложил телефон и заставил обратить на него внимание. — А всё-таки, как тебя зовут — Мила или Лада?

И в этот момент рассыпался кол, которым я проткнула себя от макушки до пяток, чтобы изображать подобие замершей восковой фигуры, а я смогла выдохнуть. Но даже откинувшись на спинку дивана, умудрилась лишь задрать подбородок, посмотрев с достоинством испуганного храбреца в глаза, чёрные, как сама ночь:

— Милада.

— Красиво, — хмыкнул удивлённо Марк, но решил уточнить. — А это имя или псевдоним?

Простой вопрос вдруг поставил в тупик и мои плечи недоумённо подпрыгнули.

— А зачем мне псевдоним? — переспросила я и почувствовала, как лицо залилось багрянцем от возникшего просветления в голове, потому что Марк явно имел ввиду магический обряд имянаречения.

Неужели в его глазах я выглядела настолько альтернативно одарённой, что могла назвать ведьмовское имя? Ведь это означало — не просто раздеться до нага в людном месте, но ещё и снять кожу. Но в следующий момент я внутренне возликовала, потому что дьявольский взгляд заметно потускнел, недовольный моим ответом.

Но откуда городской ведьмак мог знать, что моя бабка, всю жизнь прожившая в глухой деревне, считала посвящение родовой ведьмы в подростковом возрасте — баловством, потому что на её веку такую девочку видели ещё в утробе, встречали на белом свете колдовским наречением, и она впитывала его с молоком матери, кормление которой считалось таким же сакральным, как сущность ведающей. И благодаря этому, растущая ведьма настолько срасталась с истинным именем, что вычленить его из неё не мог никто, даже под гипнозом, в то время, как мирское наречение болталось рядом и мало что значило, вплетённое в сознание, но не в тонкие тела.

Именно поэтому мне было всё равно на то, как кромсали моё паспортное имя, и я давно успела позабыть, что обе его части звучат неплохо вместе.

— Тогда за знакомство? — протянул Марк навстречу стакан.

Я не собиралась повторять «подвиг» Элинки, но мысль — «накидаться» как следует, вновь всплыла в голове, напомнив массу причин, поэтому внутренний голос приказал заткнуться осознанной трезвости и разрешил делать всё, что пожелаю.

И вскоре приятное тепло растеклось по телу и наконец-то наступило то расслабление, когда жизнь приобрела цвет, а собеседник перестал пугать. Тем более, Марк не отличался навязчивостью, сидел на безопасном расстоянии и даже не делал попыток сократить его, поддерживая беседу ни о чём. И в этот момент я совершила ошибку, будучи слишком высокого мнения о собственной неприступности.

— Может, составим компанию нашим? — словно невзначай предложил он.

— А почему бы и нет? — совершенно без задней мысли и с потерянным чувством самосохранения, согласилась я на танец.

Глава 3

Танцпол оказался полупустым, и ди-джей мирно дремал за пультом, закинув ноги на тумбу. Приглушённое мерцание лазерных стрел лениво пронзало пары, качающиеся под романтичную композицию, которая никак не соответствовала моему намерению — танцевать поодаль от обладателя чёрного взгляда.

Поэтому я попыталась сделать шаг назад, но Марк уловил моё желание сбежать и удивлённо хмыкнул:

— Испугалась?

— С чего вдруг? — фыркнула я, напустив безразличие. — Просто хотела найти Элинку, а от двери лучше видно.

— Идём, — взял он меня за руку и потянул в глубь зала. — Они наверняка там, где темно.

Но идти с ним во мрак не хотелось ещё больше, чем танцевать, поэтому я воспротивилась, придумав очередное оправдание:

— Так зачем мешать? Пусть побудут одни.

Мозг лихорадочно заработал, вторя чечётке, что забило сердце, и попытался найти правдоподобную причину, чтобы покинуть танцпол, потому что мурашки устремились по телу, даже от прикосновения мужских пальцев к запястью. Но отступать было поздно — я оказалась в капкане Марка и положила ладони на крепкие плечи, стараясь держать хоть какой-то минимум между нашими телами.

И это выглядело настолько глупо, что самой стало смешно, во время чего Марк и подловил меня, поддержав настроение рассказом из детства. А я настолько развесила уши, что очнулась, лишь когда почувствовала прикосновение его губ к своим, получив нехилый разряд молнии от собственного сознания, которое не потеряло бдительности, даже убаюканное дьявольской речью.

Но Марк отреагировал до приторности виновато, слегка отстранившись и поймав молнии, сверкнувшие в моих глазах:

— Прости, не сдержался. Ты очень красивая.

На что я решила расставить все точки над буквами, что есть в алфавите и которых не существует в природе. Поэтому нахмурилась сурово, чтобы суть долетела не только до мужских ушей, но и воспринялось визуально:

— Марк, я замужем, пришла сюда отдохнуть, и не более.

— Хорошо, учту, — согласился он, слишком уж равнодушно, и раскрыл руки, кивнув на выход. — Роллы должны приехать. Идём?

А я почувствовала себя полной дурой и весь путь до столика провела в попытке сузить ошарашенный взгляд, не понимая, какого чёрта надумала не весть что про нормального человека.

Нет, нормальность, конечно, понятие относительное, поэтому ведьмовскую сущность каждый воспринимает по-своему, но в моей проекции мира жили разные представители магической сферы, к которой и я относилась в некоторой степени. И случившаяся встреча, как и предрекал Никита, оказалась банальным совпадением.

А что делать молодым мужчинам, если за их столиком оказались две красивые девушки? Не в шахматы же играть? С другой стороны, не прояви Марк интереса, я бы возмутилась ещё больше, хоть и не вслух, потому что задеть самолюбие ведьмы игнором просто, но вот выжить после этого дано не каждому.

За время моего внутреннего монолога Марк успел забрать заказ у курьера, распаковать его и сервировать стол, попросив официанта убрать пустые шоты. А усевшись на диван, протянул мне приборы для роллов и продолжил разговор:

— А почему Элина тебя не называет полным именем? Милада — звучит красиво.

Я вскрыла упаковку, достала палочки и хмыкнула, рассматривая контейнеры:

— Так проще и короче. Да и я давно привыкла.

— Ты разрешишь называть тебя полным именем? — спросил он, словно, между прочим.

И получил такой же, ничего не значащий, ответ:

— Как хочешь. Но я совершенно нечувствительна к полному имени.

В этот момент за столик вернулись Сергей с Элинкой, начав общение с шутливой претензии и обвинив нас с Марком в корысти, из-за которой они едва не умерли с голода, ожидая гудка паровоза о прибытии курьерского поезда с едой.

И время в приятной компании, ставшей вдруг таковой, понеслось настолько стремительно, что я не заметила, как со стола испарились роллы, но появились канапе, а круговорот шотов превратился в бесконечность, за которой уже никто не следил.

Но Марк вёл себя ненавязчиво, поэтому мои нервы расслабились полностью, и даже в танце я больше не чувствовала его посягательств на собственную неприкосновенность.

Но потерявшись во времени, вдруг обнаружила себя ещё и вне пространства, в котором привыкла следовать собственным правилам. Странная комната с приглушённым светом, посреди которой парила я, была бескрайней во все стороны. И мне хотелось дотронуться рукой до стен, но пальцы проваливались в них, словно в иллюзию.

— Это сон? — удивлённо поинтересовалась я.

— Если хочешь, пусть будет так, — нежно улыбнулся Марк и протянул руку.

А я зачем-то вложила пальцы в его ладонь и даже не удивилась, когда мир закружился цветным калейдоскопом. Ветерок обдувал свежестью, и я неожиданно почувствовала крылья, что проявились на спине. Застоявшиеся, они нетерпеливо вздрагивали в ожидании свободы. И она не замедлила себя ждать, дав им возможность взлететь высоко в небо и унести меня туда, где не было оков и терзаний, а был тот, кто продолжал держать меня за руку, позволяя нежным потокам воздуха ласкать мои губы, шею и плечи…

И стоило Марку прошептать:

— Милада, я хочу тебя.

Как я, по собственному желанию и безо всякого смущения, повторила его слова:

— Я хочу тебя.

Но это было единственное, что я успела произнести, потому что тело превратилось в оголённый провод, которого касался пух, доводя до исступления и срывая стон с моих губ.

— Милада, ведьмочка изумрудная, — слышала я шёпот и тонула в нежности, которой не испытывала ни разу в жизни.

— Милада, огонёчек, — заставляли слова вспыхивать страсть, силу которой я и не представляла.

— Милада, какая же ты чудесная зеленоглазка, — звал меня голос к вершине наслаждения.

И я покорно шла, откликаясь на полное имя, и понимая, что теперь оно не сможет существовать отдельно от блаженства, в котором запутались тело и ослеплённый страстью разум. Только в этот момент меня совершенно не волновало «потом», по той причине, что настолько удивительный сон не сможет повториться, а значит, нужно успеть получить то, чего мне никогда не испытать в реальности.

Вот только рингтон телефона вырвал из нирваны, в которой кружил сон, и я попыталась открыть глаза, но сразу же зажмурилась от ударившего по лицу солнца.

Нащупала возмутителя спокойствия на тумбочке рядом, наобум ткнула пальцем в зелёную кнопку и в ухо ворвался встревоженный голос Элинки:

— Милка, ты как?

— В смысле? — удивился мой сонный мозг слегка осипшим голосом, заставив сесть и зажмуриться крепче. — Всё в порядке, а что?

— Так ты дома? Проспала? Фух! — шумно выдохнула подруга, словно увидела на весах минус десять килограмм. — А я извелась вся, — но тут же загадочно проворковала. — Кстати, здесь тебя такой сюрприз ждёт, ты просто офигеешь.

— Мастер сплитсистему починил? — буркнула я первое, что пришло в голову.

— Неа. Приедешь и увидишь, — продолжила интригу Элька, но тут же торопливо добавила. — Только давай быстрее, а то я реально зашиваюсь.

— Хорошо, — кивнула я, бросила телефон рядом и протёрла глаза в попытке их разлепить и вспомнить хоть одну причину, которая оправдывала бы желание подруги видеть меня в роли скорой помощи на работе.

Но не найдя повода для беспокойства, лениво зевнула и открыла глаза. И лучше бы я этого не делала, потому что туманная дымка рассеялась, и мне пришлось офигеть прямо в этот момент. Причём, настолько, что волосы встали дыбом там, где их и в помине не было, даже до депиляции.

Передо мной предстал совершенно незнакомый интерьер.

— Нет, — выдохнула я и зажмурилась вновь, предположив, что проснулась во сне, а не в реальности.

Вот только мозг принялся работать настолько быстро, что тело окатило холодным потом от возникших в голове подробностей ночи, а в висках застучали молотки. Рука потянулась к груди, и я облегчённо выдохнула, почувствовав на ней ткань, но опустила голову, открыла глаза и вновь зажмурилась, словно ударенная током — это была не пижама, а мужская рубашка, причём, чёрного цвета.

От восприятия действительности тело так затрясло, что я готова была разрыдаться, но решила заняться этим дома, поэтому осторожно покосилась на кровать рядом. Пустая подушка слегка успокоила, но вид чужой спальни заставил мысленно взвыть и приготовиться к экстренной эвакуации.

Благо, совершить её не составило труда, потому что сумка, все мои вещи, и даже нижнее бельё, лежали аккуратно сложенные на стуле в метре от кровати. От мысли, что Марк брал в руки моё бельё, стало совсем не по себе. Но вспомнив чёрную макушку, мелькавшую ночью именно там, где должны были находиться чёртовы трусы, я поняла, что взошла по лестнице стыда настолько высоко, что про стеснение можно забыть напрочь.

Я приняла мужественное решение оставить на потом моральные терзания, и быстро напялила вещи, пытаясь прислушаться к тишине и понять, есть ли возможность выскользнуть из квартиры незаметно.

Во рту пересохло, как в пустыне, но попытку жажды заявить о своих правах я тоже запихнула поглубже. Схватила сумку, телефон с кровати и взгляд коснулся тумбочки, на которой стоял стакан с водой, а рядом лежал блистер с таблетками и прижимал исписанный от руки лист бумаги.

Первым порывом было не обращать внимание, но сухость во рту заставила удовлетворить любопытство и прочесть: «Милада, прости, но твоя защита не дала возможности избавить тебя от последствий веселья в баре, поэтому оставляю лекарство. Если почувствуешь себя плохо, растворите таблетку и выпей. Моя квартира в полном твоём распоряжении. Зеленоглазка, ты — восхитительна. Марк».

— Какой ужас, — только и смогла я прошептать, плюхнувшись пятой точкой на кровать.

Но выпила воду залпом, трясущейся рукой выудила из сумки солнцезащитные очки, чтобы прикрыть кошмар, явно творившийся на лице, и стремглав метнулась вон, пытаясь попасть деревянными от ужаса пальцами по экрану телефона в попытке вызвать такси по геолокации.

Водитель странно хмыкнул, посмотрев на меня в зеркало, как только я плюхнулась на заднее сиденье и просипела голосом неопохмелившегося гуляки: «Поехали!»

А реакцию его я поняла сразу же, как только опустилась на пуфик в прихожей своей квартиры и увидела нечто взлохмаченное, смотревшее из зеркала напротив.

— Какой кошмар, — только и смогла выдавить из себя, но не приходя в сознание, рванула в ванную.

Использовала душ по назначению, отложив умиротворяющую медитацию под водой на более благоприятное время, понимая, что Элька не та паникёрша, что будет за нефиг делать звать на помощь. Быстро высушила светло каштановую копну на голове и помчалась голышом в спальню, чтобы найти достойный наряд для предстоящего рабочего дня. К слову, таковым являлась любая одежда, в которой я чувствовала себя свободной, поэтому шкаф предоставил вереницу из джинсов, к одним из которых я и напялила первую попавшуюся рубашку, оказавшуюся шёлковой.

Но разбираться в сочетании ткани и фасона времени не было, поэтому я решила, что те, кого не устроит тёмно-синий глянец верха на фоне матового низа, пусть скажут спасибо, что я вообще успела застегнуть вереницу пуговиц на блузке, не забыв упаковать грудь в бюстгальтер.

С этими мыслями я и помчалась обратно в ванную, чтобы придать лицу хоть какие-то приятные очертания. Ибо с теми, что имелись в наличии сейчас, стыдно было ложиться в гроб, а не то что выходить на улицу к живым людям, и уж тем более — к клиентам салона красоты.

К слову, макияж удобнее было наносить у туалетного столика в спальне, но зеркало на нём давно совершило суицид и оставило о себе лишь память, как, собственно, и весь ремонт в квартире, который был сделан ещё в самом начале моей взрослой и самостоятельной жизни.

Двушка, доставшаяся от родителей, тогда вообще напоминала сарай, но делая в ней ремонт, я и предположить не могла, что закончив его, почти одновременно с вузом, через пять лет столкнусь с тем, что интерьер превратится в табуретку, сбитую из корявого дерева косоруким мастером. Ибо у меня не хватало времени, чтобы вызвать мастера на починку того же кухонного крана, а муж считал, что не обязан заморачиваться чем-либо не в своей квартире. Намёк его был предельно прозрачен, но игнорировался мной, хоть и в ущерб комфорту.

Никогда в жизни я так быстро не приводила себя в порядок, собираясь на работу. Но глянув на злополучные джинсы и свитшот, вспомнила причину беготни и едва не взвыла от стыда. Запихнула вещи в корзину с грязным, хотела следом отправить треклятое бельё, но не смогла, посчитав, что оскверню то хрупкое, что ещё оставалось от наших с Андреем отношений, поэтому сунула улику в мусорное ведро.

Но желание стереть из памяти прошедшую ночь было настолько велико, что мусоропровод на лестничной площадке я облагодетельствовала сразу же, как накинула кожаный пиджак, влезла в ботинки и выскочила из квартиры, чтобы бегом спуститься с третьего этажа и прыгнуть в машину.

А усевшись за руль, поймала себя на мысли, что салон автомобиля остался единственным чистым местом, которого не коснулось моё предательство. Марк, казалось, успел наследить везде — в салоне красоты, в моём любимом баре, и даже в квартире, где теперь лежали вещи, пропитавшиеся его запахом. И его образ вдруг превратился в паука, чья паутина начинала душить мой привычный мир.

В этот миг и пришло реальное осознание того, что случилось. Я закрыла лицо ладонями и помотала головой, понимая, что никогда не прощу себе эту ночь, но ужас состоял ещё и в том, что забыть я её тоже не смогу.

Руки предательски задрожали, и я вышла из машины в попытке успокоиться. Опёрлась на капот и вдохнула утренний воздух, подставив лицо высоко парящему солнцу.

Опустевший двор многоэтажек дремал, как и парковка, в ожидании вечера. И я понимала, что вернутся с работы люди, детская площадка наполнится гомоном, и на лавочке рас-

сядутся бабульки — их жизнь забурлит в привычном русле. Вот только моя никогда уже не станет прежней. Одна ошибка перечеркнула все убеждения и ценности.

Я попыталась представить, как вернётся Андрей, и поняла, что не смогу разделить с ним постель. Но противнее всего кусало осознание того, что остановит меня не столько стыд, сколько нежелание довольствоваться малым, познав невозможно бескрайнее.

Звонок рингтона отвлёк, но нырнув в салон и достав телефон из сумки, я поспешила сбросить вызов и заблокировать входящий номер, потому что на экране неожиданно высветилось имя — Марк. Похоже, я забыла, что добавила его номер в контакты, хотя, не удивительно, если он это сделал сам. Но теперь мне предстояло выбросить образ «дьявола» не только из записной книжки в телефоне, но и из собственной памяти.

А припарковавшись у торца здания и покинув салон, я зачем-то огляделась, словно ожидая подвоха, но быстро справилась с маниакальным предвидением и залюбовалась объёмными буквами над входом в салон, витиевато сложившимися в «Эсмир».

Вечером название походило на подсвеченный рассветным солнцем изумруд, но теперь интуиция заголосила сиреной, предупреждая о том, что я ошиблась, разместив тайну на виду, как раз ради того, чтобы сделать её незаметной.

Стеклянные двери впустили внутрь, и я поняла, на какой сюрприз намекала Элька. Практически весь пол по периметру холла оказался уставлен корзинами с живыми цветами, от разнообразия расцветок которых зарябило в глазах, а сердце упало в пятки, испытав дикий ужас. Поэтому мне захотелось срочно избавиться от новых улик моего падения в бездну измены, но ропот голосов отвлёк и заставил удивиться ещё раз, ибо Элька паниковала не зря.

Работы действительно оказалось столько, что впору было задуматься об увеличении штата. Диваны не вмещали всех посетителей разом, потому что количество посадочных мест рассчитывалось, исходя из одномоментного потока по записи. Но судя по взъерошенной Юле, сегодня ажиотаж случился из-за новых клиентов, которым требовалось срочно, а лучше — три дня назад.

— Лада Владимировна, — посмотрела с мольбой администратор. — Я не знаю, что делать. Аня на больничный ушла. Я вызвала девочек со второй смены на помощь Элине, но они приедут только через час. А у нас сплошные мужские стрижки, и все без записи.

На что я оглядела молодых людей, столпившихся у деревянной кадки с пальмой, и решила вспомнить то время, когда к вечеру отнимались ноги и спина.

— Хорошо, Юль. Пять минут, и я беру на третье кресло.

По ходу работы с вереницей молодых людей, Элька долго восхищалась неземной красотой цветов, а потом раскрыла секрет ажиотажа на стрижку. Оказалось, что все парни работают в одной организации, которая приняла решение оплачивать парикмахерские услуги сотрудникам, если те будут приводить в порядок головы в моём салоне.

Элинка отпустила очередного парня, взялась за щётку с совком и обратилось молодому человеку, над чьей головой работала я;

— Скажите, а как называется ваша организация? Тоже «Кристер»?

— Да. А что? — удивлённо пробасил тот.

— Нет, ничего, — многозначительно хмыкнула подруга, закончив уборку, и крикнула в холл. — Следующий!

Наверное, мой мозг был не в таком идеальном состоянии, как у Элинки, поэтому я посмотрела на неё очень вопросительно, как только мой клиент покинул кресло, а она уже жужжала машинкой над головой очередного.

— А ты в поисковик забей и поймёшь, — пожала плечами подруга, кивнув на телефон.

И вот здесь мне стало дурно, как никогда, потому что во весь экран высветилось лицо Марка — владельца частного охранного предприятия «Кристер». Да, не скрою, я ощутила

такой страх, что захотела в это же мгновение разогнать всех посетителей до единого, закрыть салон и свалить в такую даль, чтобы…

— Мила, — прозвучал голос Марка у входа в зал, расколов мою голову пополам, а с нею и всё тело. — Можно тебя отвлечь на минутку?

Элька едва не выронила машинку, увидев отражение Марка в зеркале, а я очень пожалела о том, что не умею распадаться на атомы. Поэтому сняла фартук, слилась в единую глыбу и промчалась мимо мужчины, верность чёрному цвету которого взбесила, и кивнула в сторону лестницы.

А пока поднималась по ней, ощущая мужской взгляд на собственной заднице, успела прокрутить в голове сто вариантов развития разговора, итог которого звучал предельно коротко: «Прощай! Наша встреча была ошибкой!»

Но стоило двери кабинета закрыться за спиной Марка, как я оказалась в плотном капкане рук, сидящей на собственном столе, а он стоял между моих ног, касаясь губами лица и оставляя на нём ожоги.

— Милада, как же я соскучился, — прошептал Марк полное имя, прекрасно понимая, какие воспоминания заякорил на него.

И я даже не сомневалась, что примчался он именно потому, что я проигнорировала телефонный звонок, и теперь пытался проверить, насколько глубоко рыбка заглотила наживку. Но, как раз безмозглой селёдкой я и ощутила себя в этот момент, лишь силой воли заставляя не сдаваться в плен, поэтому попыталась остановить безумие, отвернувшись:

— Марк, не надо.

Но он сделал вид, что не заметил сопротивления, а я почувствовала горячие ладони, заскользившие по лопаткам вниз, и губы, опалившие шею дыханием:

— Я не собираюсь заходить далеко. Милада, просто поцелуй.

И от его голоса моя монументальность раскололась под весом противоречий. Мысли смешались, превратившись в адскую смесь, которая жгла изнутри желанием плена, но резала плоть предупреждением о новом предательстве.

— Милада, всего лишь поцелуй, — взорвался шёпот в моей голове.

Но я попыталась оглохнуть и крикнула молча: «Нет! Я не имею права!»

— Милада, поцелуй и я уеду, — продолжил он третировать мою душу дыханием нежности.

А я уже мысленно рыдала и молила: «Пожалуйста, отпусти, это неправильно!»

— Милада, огонёчек, я не прошу большего, — разорвали его слова моё сердце в клочья.

И я сдалась. Нет, не ему. Себе, потому что осознала, что поцелуй — та малость, что могу позволить, чтобы больше никогда не видеть Марка, и не забывать до конца своих дней. Жить дальше, ходить, дышать и помнить: обжигающий плен губ, аромат тела и «дьявольский» взгляд чёрных глаз. Никогда больше не встретиться, но знать, что это было.

Нега растеклась по венам, едва я утонула в его губах и вкусила запретный плод. Но тем чувствительнее становилось тело, открывшееся искушению, чем сильнее я ругала себя за проявленную слабость. Марк держал слово и не позволял лишнего, а я сгорала от стыда и желания. И он это понял, остановив пытку.

Губы почувствовали свободу и голова моя безвольно опустилась, но его ладонь приподняла мой подбородок и чёрный взгляд удивлённо нахмурился, заметив капли на щеках:

— Огонёчек, я сделал больно?

— Нет, — замотала я головой и попросила, почти умоляя. — Пожалуйста, Марк, прекрати меня мучить и отпусти.

Он испуганно убрал руки и растерянно оправдался:

— Прости, не рассчитал. Но я не хотел.

И в этот момент я успела заставить себя отпихнуть его и отойти к окну. А посмотрев сквозь жалюзи на крышу своей машины на парковке, рванула шнур и ламели рванули вверх. Но голос предательски задрожал, когда я осмелилась произнести, зажмурившись от яркого солнца, ударившего по глазам:

— Марк, я замужем. И прошлая ночь была ошибкой. Да, я виновата, но не хочу и дальше обманывать мужа.

— Если бы ты была замужем, то этой ошибки, как ты её называешь, не случилось, — глухо прозвучало за спиной.

И голос его оказался настолько близко, что захотелось увеличить расстояние, прыгнув в окно. Но я лишь распахнула створку и глубоко вдохнула свежий воздух, не сводя застывшего взгляда с машин на парковке и пытаясь охладить разум звуками улицы.

— Прости, — только и смогла ответить, добавив то, во что уже и сама верила с трудом. — Но у меня семья.

Марк понял моё стремление сохранить дистанцию, поэтому отошёл к столу и заявил уже оттуда:

— Ты прекрасно знаешь, что у тебя нет семьи, ради которой стоит рваться на части.

— Тебе показать штамп в паспорте? — выдохнула я.

— У тебя может быть сто штампов, — продолжил категорично он, — но если тот, кого ты называешь мужем — подлец, то…

На что я резко обернулась, не дав Марку договорить, и нахмурилась, чётко осознав, что он преступил дозволенную черту, поэтому выдавила из себя по слогам:

— Не смей его так называть. Это моя семья и я никому не позволю…

— Твоя семья? — вскинулись жгуче чёрные брови и в радужках мелькнули молнии. — Два человека не любят друг друга, и по-твоему — это семья? Ты режешь себя на куски угрызениями совести, отказываясь от меня. Ради чего? Ради призрака семьи? Или думаешь, он тоже мечется в сомнениях, чтобы сохранить пепел? Поверь, не мечется.

— Ты ничего не знаешь, чтобы говорить обо мне, и уж тем более, о нём, — отвернулась я и захлопнула окно, словно пытаясь оставить весь кошмар на улице, а следом поспешила поставить точку в разговоре, обернувшись и с упрямством тысячи ослов посмотрев в чёрные радужки. — И у тебя никогда не появится право на это, потому что я хочу, чтобы ты исчез с моего пути.

— К сожалению, я знаю больше, чем хотел бы, — произнёс Марк с нескрываемым сожалением и опустил взгляд на органайзеры на столе. Вытащил одну из ручек, едва не переломил её, но сунул обратно и продолжил, не поднимая головы. — А вот тебе действительно пора узнать, что у твоего мужа есть семья, в которой скоро появится ребёнок.

Смысл его слов дошёл не сразу и я застыла, не понимая, откуда взялась ледяная вода, что окатила с головы до пят, но воспалённое сознание вдруг закипело и впереди логики вылезло отрицание, заставив замотать головой и кинуться в словесную атаку на лжеца.

— Какой же ты подлец! — едва не разревелась я, но презрительно наморщилась, услышав барабанную дробь собственного сердца. — И ради чего? Чтобы ещё раз переспать со мной? Неужели ты не понимаешь, что становишься противным настолько, что я видеть тебя не могу? — а следом я нахмурилась, выразив всю ненависть, на которую была способна, и указала рукой на дверь. — Я не прошу, а требую! Уходи!

— Как скажешь, — согласился Марк, но достал телефон и принялся что-то искать в нём.

А я уже не могла стоять и плюхнулась в рабочее кресло, отвернувшись от стола к стене и чувствуя себя последней дрянью.

В голове запульсировало и ладони потянулись к вискам, а глаза зажмурились, не выдержав боли. Внутри полыхал огонь, и всё, чего я желала в эту секунду — услышать грохот закрывшейся двери. Почему-то казалось, что именно этот звук принесёт облегчение, соберёт в одно

целое разорванные в хлам тонкие тела и вернёт всё то, что осталось там, за прошедшей ночью. И даже отношения с Андреем теперь виделись в ином свете — он и правда имел право на карьеру, а я, как последняя эгоистка, думала лишь о себе.

Но за спиной вдруг зазвучал голос мужа и я резко развернулась, забыв о набате в голове и наткнувшись на взгляд Марка. Он сидел на стуле напротив, сложив на столе руки, в которых держал телефон. Остановил запись, но увидев мой ошарашенный взгляд, вновь запустил, и динамик заговорил голосом Андрея:

— Мне всё равно, что с ней будет. Я слишком долго шёл к тому, чтобы всё сошлось. У меня давно уже хорошая должность, любимая женщина и скоро родится сын. А от Милки я хочу лишь то, что причитается по закону — половину бизнеса. Но она же вцепилась, как кошка, и прохода не даёт. Так и сказала, что уничтожит, если только сунусь подать на развод и раздел бизнеса. А с какого перепуга я должен ей оставлять то, во что вложился? Она же палец об палец не ударила, пока я этот салон не купил. Так пусть Анька им и занимается — больше толка будет. Короче, деньги я плачу немалые, поэтому и результат нужен железный. А если Милка по какой-то случайности отправится в дурку или на тот свет до заседания суда, то я возражать не стану.

Запись закончилась, а я не могла оторвать взгляд от телефона, мысленно умоляя его продолжить — ведь дальше Андрей точно говорит, что всё это дурацкий розыгрыш и нет никакой…

— Аня? — растерянно выдавила я единственное, что смогла.

— Да, — кивнул Марк. — Она и сбежала вчера, чтобы я смог выйти с тобой на контакт.

— Контакт? — повторила я, пытаясь собрать остатки сознания в подобие разума, и подняла ошарашенный взгляд на «дьявола». — Марк, кто ты?

На что он швырнул телефон на стол, поднялся со стула и отошёл к окну, а повернувшись ко мне спиной, уткнулся лбом в стекло. Голос его стал глухим и пришлось напрячься, чтобы разобрать отдельные слова, но приложить ещё больше усилий, чтобы связать их в предложения и донести до рассыпавшегося на атомы мозга.

— Если коротко: я владею охранным предприятием, в обязанности которого входит защита не только физического тела клиента, но и энергетического, если есть угроза магического воздействия. Мне поступает заказ, я делаю запрос на исполнителя, и если Силы дают добро, то заключаю договор и передаю подчинённым. Твой муж обратился по рекомендации и Силы выбрали для его охраны меня. Я следил за тобой, прежде чем решился на личное знакомство. И именно для этого Аня разозлила клиента, напортачив со стрижкой. Милада, поверь, я бы никогда не подписал контракт, зная тебя раньше.

И в тот же момент Марк рванулся ко мне, развернул кресло и присел на корточки, сжав в своих ладонях мои пальцы. А я вдруг посмотрела на него, как на пустое место, и поняла, что моя внутренняя сущность сгорела до тла, поэтому я выдохнула пепел, оставшийся от неё.

— Контакт, — усмехнулась зло.

— Милада, огонёчек, — попытался он воспользоваться «якорем» и успокоить то, чего уже не было, — я понимаю, что тебе больно, но…

— Ты понимаешь?! — злорадно выпалила я и вырвала руки, — Да что ты можешь понимать? — оттолкнулась ногами от пола, чтобы не находиться в непосредственной близости. Кресло отъехало, и я вскочила, посмотрев сверху вниз и источая презрение. — Думаешь, облагодетельствовал, раскрыв глаза? Чтобы что? Плюсик в карму поставить?

— Пожалуйста, успокойся, — поднялся он и попытался приблизиться, но увидел злое предостережение на моём лице и остановился. — Хорошо. Просто выслушай…

Если бы сутки назад кто-то сказал, что я буду слушать об измене мужа, совершенно не испытывая боли утраты, я бы рассмеялась в ответ и послала к чёртовой прабабке. Но сей-

час происходило именно это, и я с удивлением понимала, что единственное, что разгоралось маленьким огоньком внутри, оставалось неопознанным и не походило на страдания.

Марк, как выяснилось, всегда занимался тщательной проверкой клиента и его потенциальной угрозы, перед тем как спланировать работу. Поэтому ему не составило труда выяснить, что пока я содержала родителей Андрея и его самого, он получил заветную должность, закрутил роман с моим новым мастером и стал жить на две семьи. А когда Аня забеременела, взял ей в ипотеку квартиру, оплачивая опять же моими деньгами. Но тут случилась следующая удача, которой мой муж так долго ждал — я выкупила салон. Всё сошлось и оставалось лишь грамотно разделить, но Андрей струсил, зная моё ведьмовское терпение и силу взрыва, который мог произойти, расскажи он о предательстве. Это и подвигло мужа обратиться за защитой к Марку.

— Что? — переспросила я, решив, что неправильно поняла сказанное Марком.

Он по-прежнему не двигался с места, хотя, если бы сделал это, то получил злорадный смех в лицо и хорошую пощёчину, потому что я идентифицировала то единственное, что теперь владело мною, разгораясь всё больше и больше. И гасить это пламя я не собиралась.

— Огонёчек, — осторожно повторил Марк, почти по слогам. — Тебе нужно его отпустить. Я обещаю, что он не тронет салон, потому что я предложу сумму, которая его устроит. И сделаю всё, чтобы помочь тебе побыстрее забыть всё это.

Но в ответ я действительно рассмеялась — зло и с обидой, ибо нашла название тому, что произошло между нами ночью — контакт во имя помощи клиенту. Конечно, чего проще — переспать с пьяной в хлам девицей, чтобы та оставила в покое мужа.

— Откуда же ты взялся на мою голову, меценат? — ехидно ухмыльнулась я, взглянув в чёрные глаза без страха, и скривила губы в презрительной улыбке. — А веру в людей ты мне тоже купишь? А с разорванной душой что сделаешь? Оплатишь пластического хирурга? — и выразив взглядом всю ненависть, что скопилась, со всей дури толкнула в сторону Марка рабочее кресло и рявкнула. — Пошёл вон!

— Дура! — сорвалось с его губ в то время, как пальцы остановили кресло. А следом кулак шарахнул по столу так, что подпрыгнули органайзеры. Чёрный взгляд пронзил меня насквозь, и в голосе прозвучала суровая боль. — Я не хочу тебя ломать, но мне придётся это сделать, если начнёшь ему мстить!

— Вон отсюда, — процедила я с ненавистью сквозь зубы.

А отвернувшись, услышала долгожданный грохот закрывшейся двери. Вот только он не принёс облегчения, а лишь распалил желание мести, во власть которой я отдалась с дичайшим удовольствием.

Глава 4

Элинка сидела напротив, похожая на грозовую тучу, что повисла за окном, превратив поздний осенний вечер в хмурую ночь. Мы обе были готовы швыряться молниями, но продолжали молчать в полумраке кабинета, освещённого лишь лампой на моём столе.

Подруга пыталась найти слова в нормативной лексике, чтобы описать отношение к случившемуся, а я просто устала говорить. Мозг требовал действий, но я не могла закрыть дверь кабинета и исчезнуть, не зная, смогу ли вернуться. Мне требовался надёжный тыл в лице подруги. Но захочет ли она рисковать?

— Мила, — наконец-то подала голос она, — я не знаю, что сказать. Но мне кажется, Марк прав. Отпусти его нахрен, и пусть катится. Тем более, от салона он может только уши поросячьи получить, и то — за деньги.

И серый взгляд посмотрел на меня с такой мольбой, что стало жаль оставлять её один на один с неизвестностью. Я не могла найти слов, чтобы донести до подруги то чувство унижения, которому подверг меня Андрей, пользуясь, как донором. Признайся он сразу, всё могло быть иначе. Конечно, и в том случае бури было не миновать, но она бы затихла, оставив лишь рубцы от разочарования и сожаление о несложившемся. Но он не просто изменил и струсил, а планомерно шёл к своей цели, используя меня, как ступеньку, о которую изо-дня в день вытирал ноги. И этого я не могла простить.

Я прикрыла ладонь Элинки своей и успокоила:

— Всё будет хорошо, если ты мне поможешь.

— А как? — растерялась она. — Я же не из ваших этих. Ты же знаешь — морду расцарапать или по яйцам накостылять, это я могу, а вот так, как ты…

— Как раз этого делать не нужно, — устало выдохнула я, откинувшись на спинку кресла. — Ты должна занять место управляющего салоном, — а увидев испуганный взгляд подруги, напомнила. — Эль, ну всё равно же планировали, что так и будет.

— Вообще-то, мы планировали, что я это место займу, когда ты в декрет намылишься, а не на войну, — жалобно пролепетала она, сложив руки на столе и опустив на них подбородок. — Да ещё и без стажировки. Мил, я же дуб дубом.

Хотелось ей сказать, что когда-то я тоже была тем же деревом в этом бизнесе, набивая шишки и наступая на одни и те же грабли. Но зная Эльку, я не стала пугать трепетную нервную систему потенциальными ошибками, от которых никто не застрахован, и постаралась добавить бодрости своему голосу:

— Вот и будешь стажироваться в деле. Я всегда на связи, как и бухгалтер. А все координаты поставщиков и остальной нечисти лежат в шкафу.

— Мил, мне страшно, — не скрывая испуга, выпрямилась она и зашептала, зачем-то покосившись на дверь. — Не за салон. За тебя. Ну зачем эта месть? Ты хоть и ведьма, но явно же слабее Марка.

Я едва улыбнулась умению подруги не скрывать собственного мнение там, где можно было промолчать, но не стала травмировать её нытьём об изгаженном достоинстве, а озвучила причину, которая лично для меня являлась второстепенной, но сулила не очень хорошие последствия:

— Эль, пока Андрей не знает, какую махинацию мы провернули с этим зданием, будет сидеть на заднице ровно, считая дни до развода. Но стоит ему понять, что здесь ничего не светит, найдёт не защитника, а убийцу. Поверь, ради халявы он ноги до ушей сотрёт. И что мне прикажешь делать тогда? Трахаться со всеми ведьмаками, которых он начнёт нанимать?

На что Элька задумалась и кивнула, вынужденно согласившись, что с этой точки координат она проблему не рассматривала.

— Ну да, логично, особенно, если попадётся какая-нибудь карга старая, — моментально сморщилась она и вздрогнула. — Фу, ужас какой.

И я поняла, что пора приступать к более решительным действиям по вводу её в курс дела, открыла ящик рабочего стола и достала запасную связку ключей.

— Так, второстепенное я тебе объяснила, а этот — от сейфа, — указала на маленький ключик и положила перед ней, громыхнув о стол. — Там документы на бизнес и завещание, давно оформленное на тебя.

Но Элька испуганно отшвырнула связку ключей и психанула:

— Ты с ума сошла?! Даже не вздумай! Я, конечно, всех этих штучек ваших не знаю, но тебя и на том свете найду, чтобы накостылять!

— Послушай, Эль, есть хорошее изречение: «Хочешь мира — готовься к войне», — зазвенела связка металлом, потревоженная моей рукой, и вернулась к подруге, а я продолжила, уже не скрывая той действительности, что ждёт нас обеих. — Пойми, я не собираюсь исчезнуть в один момент и навсегда, но мне нужно время на подготовку, чтобы вспомнить, что умею видеть и слышать как ведьма. А занимаясь текущими делами, это не реально.

Говорить правду оказалось сложнее, чем рисовать перспективу сражения с розовыми единорогами, которая представлялась Элинке до этого момента. Поэтому я поднялась из-за стола, отошла к окну и прикоснулась лбом к прохладному стеклу, ощутив на нём ненавистный парфюм Марка. Злорадно хмыкнула, отметив, что «дьявол» привык оставлять след везде, где бы ни ступала его нога, и открыла створку, впустив далёкий шум проспекта и чистый воздух, мигом охладивший шёлк блузки.

Тело покрылось мурашками, но именно этого я и хотела. Обернулась и продолжила, присев на подоконник и посмотрев на подругу, в испуганных глазах которой отразился свет настольной лампы.

— Эль, конечно я понимаю, что собираюсь идти с голыми руками на медведя, но от цели уничтожить Андрея я не отступлюсь, даже перед страхом смерти. Если не согласишься, то с завтрашнего дня салон закроется. Пойми, ты нужна мне здесь, как тыл.

На минуту в холодном воздухе повисло молчание, и слышался лишь шум улицы да бег секундной стрелки на часах, висевших на стене, но грохот упавшего стула возвестил о начале новой жизни, а Элинка рванула ко мне. И в следующую секунду я едва не разревелась, обнимая подругу, которая всхлипнула мне в ухо:

— Ладка, миленькая, я постараюсь стать самым надёжным тылом, ты только не умирай. Пообещай, что останешься живой и здоровой.

— Я постараюсь, — только и смогла я ответить, чувствуя, как комок подступил к горлу.

— Нет, поклянись! — отстранилась она, нахмурившись, и схватила меня за плечи, тряхнув так, что я от неожиданности едва не вывалилась в окно. — Пока не пообещаешь, я тебя никуда не отпущу.

— Обещаю, что постараюсь, — ухватилась я за подоконник и улыбнулась, натянув маску уверенности. Но на всякий случай отошла от окна, обняв подругу. — И вообще, хватит реветь, и запомни — если даже я исчезну на несколько дней — не паникуй. Звони, а если не отвечу, то дождись, когда перезвоню или напишу. В конце концов, пока будет возможность, я буду здесь.

Последняя фраза явно не понравилась Элинке, и она опять нахмурилась, поэтому я улыбнулась и добавила:

— В том смысле, что я буду здесь всегда, просто считай меня фиговой начальницей, которая сбросила на тебя все дела.

— Точно? — с мольбой посмотрела она.

И конечно я кивнула, соврав не только Элинке, но и себе. Не настолько я была самонадеянна и глупа, чтобы не понимать, чем может всё закончиться. Но отступить и оставить подлость без возмездия, значило — дать ей окрепнуть и ударить ещё столько раз, сколько потре-

буется для полного моего уничтожения. А мне хватило того, что они уже успели сделать с моей душой. Да, именно они, потому что я даже не знала, местью кому буду удовлетворена больше — Андрею или Марку. Но уже сейчас испытывала невероятное удовольствие, понимая, что уничтожив одного, смогу разрушить жизнь другого.

Для общественного транспорта время было позднее, а мне предстояла поездка за город к месту Силы, поэтому Элька вызвала такси, и мы спустились на первый этаж.

Подруга осмотрела опустевший холл, недовольная моим приказом загрузить цветы в мусорную машину; я закрыла здание, включив сигнализацию, и мы оказались на площадке у входа, освещённого объёмными буквами вывески.

Природа сжалилась и расчистила тёмное небо, на котором звёзды сверкали бриллиантовой россыпью, а Луна, словно беременная, улыбалась тем редким окнам в многоэтажках, где ещё горел свет. Микрорайон спал крепким сном, укрытый ночным покрывалом, и лишь две женские фигуры, подсвеченные вывеской, мотылялись в чёрном безмолвии, как два одиноких странника на краю заброшенной галактики.

— Луна сегодня огромная, — задрала голову Элька, кутаясь в плащ от осенней прохлады. — Интересно, а там правда есть жизнь?

Я перекинула сумку через плечо и пожала плечами, подумав о том, что полнолуние — идеальное время для начала войны, и на убывающей негатив ложится намного лучше. Но застегнула кожаный пиджак на одну пуговицу и предположила:

— Мне кажется, жизнь есть везде, просто иная.

С проспекта свернули фары, подъехала машина с шашечками и Элька уткнулась мне в плечо, прошептав:

— Мила, скажи, что всё будет хорошо.

— Всё будет хорошо, — обняла я её в ответ, но подтолкнула к автомобилю, подмигнув. — Ты только Серёгу долго не мучай.

— Думаешь, у нас с ним что-то получится? — грустно поинтересовалась она, садясь на заднее сиденье.

— «Что-то», не знаю, а вот трое детей и ипотека — запросто, — рассмеялась я и захлопнула дверь, махнув ладошкой в ответ на её улыбку.

Такси уехало, а мне вдруг захотелось завыть на Луну и выплеснуть адскую смесь, в которой горела душа. Но вместо этого я достала ключи от автомобиля из сумки, сунула их в карман джинсов и шагнула в темноту полумрака, освещённого лишь светом ночного стража.

Оставалось дойти до конца здания, свернуть за угол и сесть в свою машину, припаркованную под окном кабинета. Но я слишком поздно поняла, что совершила ошибку, не обратив внимания на чёрный джип, замерший неподалёку от входа в салон.

Хотя, может быть я и могла его увидеть, но с наступлением позднего вечера, когда на микрорайон опускалась тьма, освещёнными оставались лишь проспекты и улицы, по которым двигалась вереница автомобилей. Пешеходы же такой привилегии были лишены и передвигались по тротуарам почти наощупь, не теряя направления лишь потому, что пара фонарей на квартал всё же оставалась рабочей.

Тихий звук открывшейся двери автомобиля я услышала сразу же, как покинула освещённый островок перед входом в салон, и не нужно было быть ведающей, чтобы понять, чьи шаги раздались за спиной. Тем более, Марк поспешил окликнуть:

— Милада, подожди.

Но его голос лишь подстегнул, и я ускорилась, понимая, что не успею прыгнуть в машину до того, как он догонит. На что я рассчитывала — не понятно, но с каждым торопливым шагом, всё больше вскипала яростью и осознанием того, что даже ненависть к Андрею меркнет перед презрением к Марку.

И именно это и заставило меня остановиться в паре шагов от бордюра, разделявшего с территорией парковки.

Я развернулась, задрав подбородок, и стала наблюдать, как в лунном свете сокращается дистанция между мной и тёмным высоким силуэтом.

Марк увидел выброшенную вперёд руку и притормозил.

— Не подходи, — предупредила я сурово.

— Хорошо, — не стал упорствовать он, показав ладони и кивнув на свои ноги, пояснив этим, что не собирается нападать. — Милада, нам нужно…

Но я резко перебила зазвеневшим в тишине голосом:

— Не смей меня так называть!

— А как мне тебя называть? — выпалил с едва заметной досадой он, но понизил голос и слегка пожал плечами. — Эсмир?

Колдовское имя прозвучало как гром, ударив по ушам, и я настолько оторопела, что опустила руку, и даже не нашлась, что ответить, лишь почувствовав свирепый огонь, что охватил тело.

А Марк продолжил:

— Пойми, я узнал о тебе всё, поэтому не так уж и сложно оказалось разгадать. Эсмир — изумруд, как твои глаза. Конечно, если бы ты не назвала колдовским именем салон, было бы тяжелее, но это не только твоя ошибка. Я тоже, в своё время, решил, что прятать нужно так, чтобы все видели.

— Кристер? — не удержалась я, удивлённая тем, что он раскрыл своё ведьмовское имя.

Но слишком щедрый подарок поселил подозрение о ловушке, поэтому я отступила на шаг и кивнула в сторону его машины:

— Уходи!

— Нет, — упрямо качнул он головой. — Обещаю, что не произнесу ни одного твоего имени, но мы должны поговорить.

И я согласилась, осознавая, что перевес физической силы не на моей стороне. А если Марк захочет, то поймает и скрутит меня в два счёта, не оставив выбора. По крайней мере, я бы так и сделала, связав его и лишив возможности колдовать, пока расправлялась бы с Андреем.

Марк понял, что я действительно слушаю, и подошёл к стене. Опёрся на кирпичную кладку спиной, сунув ладони в карманы брюк, и лунный свет отразил на его лице усталость. Но в следующий момент чёрный взгляд посмотрел на меня недоумённо, а с губ сорвался огорчённый выдох.

— Скажи, откуда ты взялась — такая? — тихо спросил он, но не услышав ответа, продолжил, подняв лицо к звёздам. — Я связан договором и не могу его нарушить, — вновь перевёл взгляд на меня и качнул головой. — Ты же всё понимаешь. Так зачем же заставляешь делать то, о чём я буду сожалеть до конца жизни?

Я неопределённо пожала плечами, потому что даже предположить не могла, что такой, как Марк, может заниматься тем, о чём потом горько сожалеет. А представив его, каждый раз умоляющего врага не нападать на клиента, вовсе презрительно фыркнула:

— Так не сожалей.

Но его реакция оказалась ещё более странной. Он оттолкнулся от стены и удивлённо вскинул брови, просверлив меня пристальным взглядом:

— То есть, ты действительно считаешь нашу ночь ошибкой?

На что я ответила именно то, что чувствовала, безразлично усмехнувшись:

— Я просто была пьяна.

Марк покачал головой, словно не веря тому, что утонул в пустоте моих глаз, и провёл ладонью по лицу, выдохнув:

— Нет, я не мог ошибиться, — качнулся в мою сторону и сделал шаг, заставив меня отпрянуть.

Но совершенно забыв про бордюр, я споткнулась о него и полетела навзничь, успев лишь выдать что-то нечленораздельное и неловко раскинуть руки в попытке встретить асфальт ладонями, а не спиной. Но это не помогло, и я приземлилась лопатками на пирамиду канализационного люка.

Марк подскочил и помог подняться, а я настолько прочувствовала крепость сантехнического чугуна, что в первые секунды не могла вдохнуть, а не то что помнить о коварстве черноглазого «дьявола». И он решил этим воспользоваться, накинув себе на плечо мою сумку, подхватив меня на руки и устремившись к своей машине, с клятвенным заверением, что отвезёт в больницу.

Вот только я к этому времени уже начала не только дышать, но и соображать. И вспыхнув злостью, взвизгнула, в попытке выскользнуть из его рук:

— Отпусти меня!

— Нет! — Рявкнул Марк.

— Гад, я тебя ненавижу! — забрыкалась я, как иноходец, и на всякий случай подключила руки, пытаясь врезать похитителю по физиономии. — Сволочь, я тебя уничтожу!

И он сдался, сбросив мою сумку на землю. Вернее, сделал вид. Но опустив меня, не отпустил, а сковал объятием, зажав своими ладонями мои руки за моей же спиной так, что лопатки соединились у позвоночника, а пиджак на груди натянулся и раздался хруст оторвавшейся пуговицы.

Я попыталась вывернуться, сердито фыркнув на предательские локоны, закрывшие обзор, но лишь уткнулась лицом в грудь Марка — без возможности пошевелиться, и вынужденная вдыхать ненавистный аромат и чувствовать, как барабанит его сердце, не отставая от моего.

— Не хочешь в больницу? — слегка сбившись выдохнул он. — Хорошо. Тогда поедешь ко мне и убедишься, что ошибки не было.

От услышанного во мне забурлила адская смесь паники с яростью, и я попыталась укусить его и ударить ногой, но лишь выплюнула пуговицу от его рубашки и процедила с ненавистью:

— Ты не посмеешь.

— Ещё как посмею, — поднял он меня, словно куклу, и вновь потащил к своей машине.

А я настолько осознала беспомощность, что не смогла сдержать слёзы, и продолжая вырываться, ненавидела уже не только его и Андрея, но и эту окраину, где никто не придёт на помощь, даже если я буду орать три часа подряд, как блаженная.

И почти смирившись с тем, что через мгновение окажусь в салоне джипа и связанная, я успела только выкрикнуть:

— Ты мне противен!

Но совсем рядом прогремел выстрел, и заставил замереть не только меня, но и «дьявола».

По округе прокатилось громкое эхо, а за спиной моего похитителя прозвучал очень знакомый голос.

— Отпусти её! — приказал он и Марк оглянулся, ослабив тиски.

А я высунула нос и ошалело вытаращилась на дуло, но подняв взгляд, шумно сглотнула, потому что продолжением ружья оказался псих «рыжик», одетый в камуфляжный костюм и не сводивший грозного взгляда с Марка.

— Я сказал, отпусти её! — повторил парень, удерживая палец на спусковом крючке.

Марк, похоже, офигел от такой наглости, и убрал от меня руки, обернувшись к парню, и кивнув:

— Слышь, пацан, ты нормальный?

— Хочешь проверить? — дерзко ответил тот, ухмыльнувшись разукрашенным чёрными полосами лицом.

Но мне уже было настолько плевать на то, что творится в голове у «рыжика», какого размера тараканы там бегают и есть ли у них справка, что стрелой сквозанула к нему. Подхватила с земли сумку и спряталась за широкой спиной спасителя, выглядывая из-за него, как из-за стены, и благодаря родительницу, которая не поскупилась и откормила такого пухленького парня.

Вот только глаза Марка сверкнули сурово в лунном свете, и он приказал тоном, от которого у меня похолодело всё, от страха, что парень послушается.

— Опусти ружьё!

Но в ответ я услышала фразу, которая вполне удовлетворила.

— Уезжай, и я тебя не трону.

— Милада, — прозвучало обращение Марка. — Ты вообще понимаешь, с кем остаёшься один на один?

— Уезжай! — рявкнула я, почувствовав, как вернулась смелость, а с ней и чистая ненависть. — И не смей больше ко мне приближаться!

Марк не произнёс больше ни слова и уехал, а я сорвала с кожаного пиджака пуговицу, болтавшуюся на одной ниточке, села на землю и разревелась, понимая, что ненависть к «контактёру» выросла в сотню раз. И не только за то, что он использовал меня, ради собственного спокойствия за клиента, но и потому, что настал тот момент, после которого я его не увижу.

Но рядом раздался тёплый голос «рыжика», присевшего на корточки и тронувшего меня за плечо:

— Эй, королева, ну ты чего? Всё ведь хорошо.

И я подняла взгляд на парня, ощутив себя филином, потому что именно настолько округлились мои глаза от удивления:

— Королева? — переспросила в надежде, что ослышалась, напрочь позабыв о слезах.

— Ну да, — наивно кивнул он, размалёванным, как у спецназовца, лицом. — Ты Королева, а я — Рыцарь, который должен тебя защищать. А за спасение ты должна наградить меня страстным поцелуем.

И в этот момент мне стало немного тоскливо. Да какое там — немного. Меня просто сплющило от желания вернуть время вспять и самой прыгнуть в джип Марка. По крайней мере, с адекватным мерзавцем было больше возможности договориться, нежели с добродушным психом.

И в попытке обойти момент «награждения», я кивнула на ружьё, которое лежало рядом, и робко поинтересовалась:

— Оно прямо настоящими патронами стреляет?

— Ну да, — спокойно кивнул «рыжик».

Парень поднялся и протянул мне руку, от которой я не стала отказываться, ощутив в полной мере последствия падения на чёртов люк и борьбы с «дьяволом». Попыталась отряхнуть пиджак и штаны, но махнула рукой и подняла с земли сумку, посмотрев с улыбкой на спасителя, замершего передо мной:

— Может, скажешь, как тебя зовут?

Тот поднял ружьё, закинул за плечо и смущённо пожал плечами, склонив голову в почтении:

— Рыцарь, моя Королева. Зови меня просто Рыцарь.

Наверное, я всё ещё пребывала в шоке, но его слова ничуть не удивили и даже не позабавили. Я лишь кивнула в сторону парковки и предложила:

— Давай, до дома довезу.

— Вместо поцелуя? — уточнил «рыжик» серьёзно, поставив меня в тупик.

— Понимаешь, — осторожно пролепетала я, пытаясь найти правильные слова, чтобы съехать с этой темы, — тот поцелуй, который…

На что Рыцарь огорчённо вздохнул, перебив меня, и понуро склонил рыжую макушку, продолжив:

— Да помню я, что должен совершить три подвига, чтобы слиться с тобой в страстном поцелуе. Но я подумал, вдруг ты этого правила не знаешь.

— Я? — удивлённо выдохнуло моё облегчение и раздуло до неимоверных размеров статус «сказочной королевы». — Как же я могу не знать тех законов, что сама издаю?

Мой манифест слегка огорчил парня, но он вдруг поднял голову и улыбнулся во весь рот, взъерошив рыжик на макушке:

— Значит, мне всего два подвига осталось?

И на это можно было бы возразить, но в какой-то другой ситуации. А стоя — почти в полной темноте на самой окраине жилого микрорайона и лицом к лицу с явным неадекватом, у которого за спиной висело заряженное ружьё, я предпочла согласиться.

— Конечно, — отправилась к машине, облегчённо выдохнув и нащупав ключи в кармашке джинсов, а едва задумавшись, позвала рыцаря с собой. — Поехали, подброшу до дома. И не в качестве благодарности, а просто так.

Глава 5

Вернувшись домой глубокой ночью, я чётко осознала, что сил на поездку за город не осталось, как и вообще на что-либо. Спина неприятно саднила, и я сразу сняла блузку, осмотрев место столкновения с люком. Недовольно вздохнула и поняла, что огромный синяк обеспечен, но порадовали плечи и руки, которые совсем не ныли после несостоявшегося похищения.

Бесцельно побродив по комнатам, монотонно зажгла яркий свет в каждой, решив, что тьмы на сегодня достаточно, и даже включила чайник, не понимая — зачем.

Нет, было, конечно, желание слопать слона, но из съестного в холодильнике лежал лишь засохший сыр, и его я решила оставить для той самой мышки, в надежде, что хвостатая передумает окончить жизнь самоубийством через повешенье. А понюхав кусочек заархивированного молока, я слегка усомнилась в том, что на это способен польститься вообще кто-то, но решила, что пристрастия грызунов — дело слишком тонкое, и закрыла дверцу.

А осмотрев тоскливым взглядом полупустые кухонные шкафы, вообще пришла к выводу, что денег на смену гардероба нет, и у меня вся жизнь впереди, чтобы успеть превратиться в ночную жрицу, поэтому для минимального комфорта хватит душа и горячего кофе.

— Благо, с этим проблем, точно не возникнет, — буркнула я, решив достать пачку молотого кофе, и взвизгнула, поймав дверцу шкафа, едва не свалившуюся мне на голову, а следом — банку с сахарной пудрой, половина которой оказалась на мне.

И воду в ванной я уже открывала более настороженно, ожидая подвоха. Но хоть принятие душа оказалось не столь экстремальным, доставив массу положительных ощущений и лишь одно огорчение — расслабленный горячей водой мозг занялся пересмотром слайдов прошедших двух дней. К моему сожалению, выборка предпочтений разума состояла из пошлых кадров прошлой ночи, которые казались теперь именно такими, поэтому стали топливом для немного остывшей жажды мести.

А вот воспоминания о «рыжике» навеяли приятную грусть. Пока я везла «рыцаря» домой, он таился изо всех сил, боясь сказать что-то лишнее. Поэтому всё что я поняла, из отдельных фраз — парень и правда был слегка не в себе, за что его гнобили все, кому не лень. И наверное поэтому он впадал в агрессию всякий раз, как чувствовал угрозу от слабого, но превращался в пресмыкающееся перед более сильным.

Из чего я предположила, что в какой-то момент, психика его перестала справляться, и подсказала расстроенному сознанию выход — найти Королеву, подвиги во имя которой докажут всем, что он — не тюфяк со справкой. Игра могла показаться наивной и детской, если бы не множество, но…

Рыцарь не жил в вакууме и вокруг себя видел не средневековое общество, поэтому вместо лат облачился в камуфляж, а копьё заменил на ружьё, о происхождении которого так и не рассказал. Да и шифровался парень очень умело, попросив меня остановиться на проспекте, не заезжая во двор пятиэтажек.

Принудительный душ и горячий кофе взбодрили и согрели настолько, что я вернулась в мир внутреннего комфорта, и появилось желание поговорить с бабкой. Тем более, дух ведьмы, хоть и ворчал постоянно, но оставался единственным, с кем я могла посоветоваться.

Небольшая гостиная с минимальным наличием мебели, служившая раньше тем местом, где мы любили сидеть на диване с Андреем, теперь вдруг стала огромной и пустой. И было очень странным осознать, что я прозевала момент, когда с полки над плазмой исчезли коллекционные модели солдатиков, которые трепетно собирал муж.

Я с удивлением посмотрела на слой пыли и поняла, что произошло это не вчера или сегодня, а уже давно. И в этот момент посетило желание рассмотреть каждый уголок квартиры,

где хранились бесчисленные вещи Андрея, и оказалось, что я даже не заметила их поредевшего количества. На что лишь пожала плечами и хмыкнула равнодушно:

— Значит, меньше мороки с выбросом.

Да и вообще, разгуливая по ярко освещённой квартире в трусах, похожих на ультракороткие шорты и едва прикрывающем грудь топе, я почувствовала себя настолько свободной, словно сделала генеральную уборку и собрала кучу ненужного хлама, который теперь предстояло сжечь.

Спать не хотелось, и промелькнувшая мысль о бабке снова заявила о себе и обрадовала тем, что настало время, когда я могу делать в собственной квартире всё что захочу, не боясь ранить психику мужа наличием алтаря и артефактов. А ещё имею право разговаривать с предками, когда приспичит, и не подгонять желания под чьё-то мировоззрение.

И очарование свободой настолько захватило, что я поторопилась поставить в прихожей стул и достать ведьминский уклад, что хранился на антресоли.

Коробки и шкатулки, мешочки и пакеты приятно контактировали с ладошками, словно узники темницы, возвращённые в свет. А вид полок в гостиной, быстро заполнившихся любимыми предметами, вызвал довольную улыбку, и подстегнул к действию.

Достав восковую свечу и маленький резак, я плюхнулась на диван и принялась вырезать на воске руны, в предвкушении встречи с бабкой, которая точно обалдеет от того, что увидит.

Так уж сложилось, что именно заряженная энергией рун свеча стала связующим звеном между нами. После смерти бабки я не находила себе места, отказываясь верить в то, что разлука с единственным родным человеком превратилась в вечность. И больнее всего ранило не то, что тело её оказалось погребённым, а душа отправилась за Калинов мост. Бабка, до конца земной жизни, являлась хранительницей рода живых, а это значило, что дух её должен был уйти к родовому древу, где и пыталась я её отыскать, но тщетно.

Но однажды она приснилась, взяла меня за руку и повела по лабиринту, стены которого были исписаны руническими формулами. Бабка ткнула на одну из них и исчезла, а я принялась расшифровывать символы, пытаясь не забыть завитки причудливой вязи. Ибо с энергией этих знаков я никогда не соприкасалась, хоть и знала об их существовании. После того сна графическая магия заняла почётное место в моей ведьмовской практике, и я не собиралась с ней прощаться, тем более, что благодарность ей была безгранична уже за то, что я нашла свою бабку и узнала от неё об истинной причине смерти родителей.

Испещрённая бороздами свеча оказалась в подсвечнике, который я установила на журнальный столик перед диваном. И собираясь погасить плафоны люстры, я метнулась ко входу гостиной, намереваясь щёлкнуть выключателем, чтобы свет из коридора создал уютный полумрак, в котором пламя воскового артефакта должно было превратиться в антенну и наладить связь с ворчливой старушенцией.

Но неожиданная трель дверного звонка заставила изрядно подпрыгнуть, ибо в это время ночи гостей я не ждала, собственно, как и в любое другое. А увидев в дверном глазке курьера, я удивилась ещё больше. И уже собралась забыть о случайности, приняв её за ошибку службы доставки. Вот только неугомонный парень продолжил трезвонить как потерпевший, разозлив не на шутку.

Поэтому на пороге открывшейся двери курьер увидел нечто, сильно разгневанное.

— Доброй ночи, — странно улыбнулся парень и протянул крафтовый пакет, смущённо потупив взгляд. — Доставка еды.

— Какой еды? — покосилась я на его руку, заметив на упаковочной бумаге знакомый логотип, и ушла в отрицание. — Это не моё. Я не заказывала.

А в следующий момент я собралась закрыть дверь, но курьер посмотрел жалобно и попросил:

— Подождите, — показал он на экране телефона номер заказа, мой адрес и посмотрел очень вопросительно. — Может, вы забыли?

— Да ничего я не забыла! — возмутилась моя, местами, очень даже хорошая память. — Молодой человек, я точно ничего не заказывала.

И в этот момент мою голову посетило озарение, высветившее воспоминание из бара, но курьер не собирался ждать, пока получатель разберётся в хитросплетениях своего мозга, поэтому сунул мне пакет в руки, подхватил рюкзак и сбежал.

Аромат роллов взбередил голод, и мне пришлось сглотнуть слюну. Вот только чувство собственного сохранения оказалось сильнее и намекнуло, что вместе с презентом я запросто могу получить от Марка что угодно и с неизвестно какой магической программой.

Поэтому я надвинула тапки и рванула к мусоропроводу между этажами, но застыла на половине пути. Ибо посреди лестницы, ведущей вниз, стоял Марк и довольно улыбался, сложив руки за спиной. А осмотрев меня, удивлённо округлил дьявольский взгляд и слегка наклонил голову, хмыкнув иронично:

— Шикарно выглядишь. Не холодно?

И только в этот момент до меня дошла причина странной реакции курьера, наверняка решившего, что именно голод заставил меня встретить его в трусах и топе.

Но чувство собственного достоинства и вспыхнувшая дерзость не дали мне трусливо покинуть «подиум», решив, что по сравнению с тем, в каком виде Марк видел меня в своей постели, сейчас я одета максимально прилично, а выразить презрение — самое время и место. Тем более, дверь в квартиру оставалась открытой и в шаговой доступности.

Поэтому я демонстративно уронила крафтовый пакет на край лестничной площадки и ухмыльнулась, сплетя руки на груди:

— А ты за ниткой с иголкой явился? — нахально кивнула на его рубашку, где отсутствовала одна из пуговиц. — Или хочешь остальные потерять?

На что Марк хмыкнул и коснулся ворота рубашки, не сводя с меня взгляда:

— Зачем же? — расстегнул он пуговицу и принялся за следующую. — Я могу и без экстрима раздеться.

— Тоже мне, стриптизёр, — фыркнула я презрительно.

Но заметив движение мужского ботинка к ступеньке вверх, не стала испытывать судьбу и сквозанула в квартиру. А закрыв дверь, медленно сползла по ней, осознав, какой опасности избежала, пытаясь раздразнить врага.

Неожиданным визитом Марк доказал, что действительно знает обо мне многое, в том числе и адрес, но многое — не значит всё. И мне пора приниматься за дело, чтобы найти в себе то, о чём не подозревали — не только он, но и я сама.

Пламя свечи рванулось вверх и отбросило тень, которая зашевелилась бесформенной массой, но вытянулась в человеческий облик. Старуха удивлённо осмотрелась и проскрипела:

— Это где ты, что голяком не стыдишься?

— Дома, — пожала я плечами, — не помнишь? Ты же была здесь много раз, ещё до… — не смогла я закончить фразу о смерти.

— С чего вдруг? Муж твой, вроде как, не приветствует, — нахмурился дух бабки и погрозил пальцем. — Всё гонор не усмиришь? Опять супротив идёшь?

А я, вместо того, чтобы съязвить, как делала это последнее время, вдруг понурила голову и почувствовав себя той — испуганной десятилетней девочкой, что предстала перед взглядом старухи много лет назад, и призналась, боясь смотреть в туман, реакцию которого очень даже предвидела.

— Ба, он предал меня, — жалобно пролепетала я и уставилась на стекло журнального столика, бликовавшего от огня свечи. — У него другая семья и скоро будет ребёнок.

И чтобы уже получить полную чашу обвинений, не стала останавливаться, а на одном дыхании выпалила всё, естественно, не признавшись в том, что провела ночь с Марком, и далеко не за игрой в шахматы.

— Ох, дурня ты, девка, — ожидаемо начала бабка с обвинений, но вдруг вздохнула с сожалением. — Только мне чего жалишься?

— Ба, — подняла я виноватый взгляд, — мне совет нужен.

— А раньше чем слушала? — недовольно проскрипела старуха. — Совет, как ложка к обеду. Против воли высшей не пошла бы, не пришлось через край хлебать. Думала, раз силой наделена, то и платить не следует? Все платят, кто по уму ведьмует. На то ты и хранитель рода живых, чтобы о кровниках думать, а не чужим судьбы править.

— Я не могу так! Ба, все люди ошибаются, но это же не повод, превращать их жизнь в ад.

— А свою? — сердито нахмурился дух бабки. — Удел твой таков — блюсти закон, Силами учинённый. Сколько наказов от них исполнила, столько милости род и получит. На скровников живых давно уж надёжи нет — позабыли, чью кровь в жилах носят, да чем древо родовое питается. А ты — кнут в руках пастуха. Пока с делом справляешься — почёт и уважение от погонщика, а как перестала, так и выбросить не жалко. Только за спиной у тебя не две телеги, а сто обозов с лишним.

— А что же ты их тогда бросила? — обиженно выпалила я, понимая, что разревусь прямо сейчас. — И меня тоже.

— Эсмир, — вдруг нежно проскрипели призрачные губы то, что я слышала сто раз, — люди приходят на землю, чтобы погостить, а в гостях не остаются навсегда.

Слёзы полились, и я не стала сдерживаться, замотав головой:

— Ба, что мне делать? Никогда в жизни не было так больно. Он не просто изменил, а унизил и растоптал. И я ненавижу себя за то, что душа пылает жаждой мести.

Дух бабки в задумчивости потёр морщинистые губы и качнул головой, наградив меня угрюмым взглядом:

— Про месть забудь. Не дадут Силы добро на такое непотребство. А без их позволения тебе не устоять.

— Смириться? — тоскливо прозвучал мой голос в полумраке.

— Отчего ж? — последовал ответ. — Проси дозволения на справедливое возмездие за честь поруганную. В такой просьбе не откажут.

Но я робко пожала плечами и озвучила то, что являлось правдой и держало мою решимость в оковах:

— Ба, но Марк — защитник. Я же со своими заговорами и обрядами — мошка перед ним. Как я сквозь него к Андрею подберусь?

На что бабка по-доброму усмехнулась и лукаво прищурила призрачный взгляд.

— Да так и подберёшься. Али не ведьма? Где хитростью, где чаровством, а где и обманом, — а следом дух стал серьёзным и погрозил пальцем, строго наказав. — Только добро от Сил получишь, ступай сразу же к древу, да в проводники непременно Алексину истребуй. С ней к очагу иди. А уж там и повинись за ту годину, что ногой не ступала.

— Думаешь, они помогут? — неуверенно пролепетала я.

— А на что род тогда, если в час тяжёлый в силе откажет да на защиту хранителя своего корнями не восстанет? — почти торжественно проскрипело в тишине. — Ты довольно «конюшен» выгребла, чтобы от предков почёт и уважение иметь. А пока, девка, давай-ка и я помогу, чем смогу. Спину то покаж.

Я повернулась и замерла, услышав её шипение. И в тот же момент по телу растеклось тепло, в котором захотелось купаться вечно. Но призрак вдруг отпрянул и приказал:

— А теперь показывай, чем оборону держать собираешься, ежели ворог стены рушить станет?

И до самого утра дух бабки просматривал защиты, что стояли на квартире и на мне, заставляя переделывать их и укреплять уязвлённые места, но продолжая бурчать на мою бестолковость. А я покорно соглашалась, носилась со свечой по комнатам и шептала заговоры обрядов. Смиренно выслушивала заслуженные упрёки и переделывала криво вставшие работы графической магии.

А ближе к рассвету я настолько устала, что даже не заметила, как уснула на диване. Но разбуженная вызовом телефона, подскочила как ужаленная, едва не смахнув ногами алтарь для работы со стихиями, который соорудила на журнальном столике.

Взгляд упал на едва заметные пятнышки в подсвечниках и губы облегчённо выдохнули, потому что, вспоминая азы безопасности магической, я напрочь забыла о бытовой, в которой оставлять горящие свечи без присмотра — чревато, даже ведьме.

— Да! — почти выкрикнула я, прижав динамик телефона к уху и пытаясь успокоить сердце, заколотившееся от неожиданного наступления бодрости. — Эль, что случилось?

— Даже не знаю, как сказать, — начала подруга неуверенно, — но у нас не просто аврал, а дичь — самая настоящая. Прикинь, я в туалете спряталась, чтобы тебе позвонить.

— Очередная выходка Марка? — спросила я, совершенно не сомневаясь и усиленно протирая сонные глаза, пытаясь понять — который час, потому что за окном был или предрассветный мрак, или вполне себе день, но хмурый.

— И как ты догадалась? — съязвил динамик. — Мало того, что опять холл в цветах, так ещё толпа пенсионерок зал штурмует.

— В каком смысле? — застыла я, увидев время на экране плазмы. — Салон открыт всего час. Какие цветы, какие пенсионерки? Чёрт возьми, Эль, что за нафиг?

— Это ты меня спрашиваешь? — возмутилась обиженно она.

— Прости, — поспешила я с извинением, пытаясь сложить в голове полученную информацию, — но у меня такая ночь была, что вообще ничего не соображаю.

— Ой, Милка, — охнула подруга испуганно, — неужели началось?

— Хуже, — многозначительно выдохнула моя память. — Я стала королевой, которую чуть не похитили, но рыцарь с ружьём спас и потребовал в награду поцелуй, а потом похититель заявился ко мне с курьером и роллами.

В трубке воцарилась тишина, причём, настолько долгая, что я решила проверить наличие связи, посмотрев на тёмный экран и зачем-то дунув в микрофон. И в тот же момент Элька проявилась, возмутившись неожиданной продувкой слуха:

— Эу, харе! Здесь я! Просто не знаю, что сказать. Но очень надеюсь, что ты рассказала сон.

— Если бы, — недовольно буркнула я, понимая, что придётся ехать в салон, ибо такой насыщенной стажировки Элька не выдержит, даже ради дружбы. — Ладно, держись там, а я соберусь быстренько и примчу. В крайнем, шли бабулек в лес за грибами и закрывай салон.

Телефон оказался на диване, а я метнулась приводить себя в порядок, понимая, что экстремальное пробуждение прочно заняло место в списке дел на утро, и пора привыкать к мысли о том, что и вся жизнь скоро превратится в сплошную зону риска с ежедневным сеансом иглоукалывания для нервной системы.

Но зеркало, всё же, раскрасило утро приятным событием. В его отражении я не нашла и следа от того, что спина провела незабываемы секунды на канализационном люке, за что и поблагодарила бабку.

Имея за окном хмурое утро, а в планах на день — поездку за город, мне не пришлось долго раздумывать над внешним видом и гардеробом, поэтому я быстро собрала волосы в тугой хвост, облачилась в джинсы и толстовку, накинула плотную ветровку и с удовольствием влезла в кроссовки.

Но подъехав к салону, взгляд коснулся чёрного джипа, ожидавшего неподалёку от входа. В груди вскипело, и оставив машину на парковке, к площадке у стеклянной двери я подошла, изрядно накрученная. А встретив Марка, преградившего путь, еле сдержалась, чтобы не отвесить ему пощёчину, но сунула ладони в карманы ветровки и со злостью сжала ключи от машины.

Марк заговорил первым, удерживая руки за своей спиной, и намекнув на мою:

— Как чувствуешь себя? Может, к врачу?

— Обойдусь без советов, — огрызнулась я, не собираясь обсуждать с ним что либо, а уж тем более — собственное здоровье.

Но он мигом сменил тему, стрельнув насмешкой в чёрных радужках и намекнув на сумасшедшую ночь:

— А вообще как? Утро доброе?

— У меня другого не бывает, — растянула я губы в ядовитой улыбке, а заметив на нём всё ту же рубашку без пуговицы, не удержалась и съязвила. — По крайней мере, переодеться успела.

— Заметил, — кивнул Марк и добавил, намекнув на дефиле в подъезде. — Но кружевное мне понравилось больше.

— Пошляк, — прокомментировала я и попыталась его обойти.

— Ханжа, — парировал он спокойно и сделал шаг, не пропустив.

— Подлец, — вздёрнула я подбородок, вынужденная остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.